МОИ БЕЗДѢЛКИ.

ЧАСТЬ II.

J'aime encore les vers, je le dis, & sans honte.

Saurin.

Изданіе второе.

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1797.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Мои Безделки, Часть II*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Логики и Метафизики Профессоръ, и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Цензоръ,

Андрей Брянцевъ.

1794
года.

ОПЫТНАЯ СОЛОМОНОВА МУДРОСТЬ (*),

или

мысли выбранныя изъ Экклезіаста.

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтъ
Я нѣжной страстью услаждался;
Но ахъ! увялъ прелестный цвѣтъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ пустота,
И я сказалъ: „любовь мечта!“

*

(*) Сія пїеса и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ не были напечатаны въ Москов. Журналѣ здѣсь помѣщаются онѣ для наполненія Частии.

Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Богатствомъ, роскошью блисталъ;
Но вмѣсто щастья, дней веселыхъ,
Заботы, скуку обрѣталъ;
Простился въ старости съ мечтою,
И назвалъ пышность суетою.

*

Искалъ я къ истинѣ пути,
Хотѣлъ узнать всему причину:
Но намъ ли таинствъ ключь найти,
Измѣрить мудрости пучину?
Всѣ наши знанія мечта,
Вся наша мудрость суета!

*

Къ чему намъ служитъ власть, когда ее имѣя
Не властны мы себя щастливыми творить;

И сердца своего покоить не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствїе дарить?

*

Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрасныхъ,
Въ объятїяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью страстныхъ,
Томился и скучалъ я жизнїю своей;
Нѣтъ щастья для души, когда оно не въ ней.

*

Унынїе мое казалось непонятно
Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой притупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изнурилъ —
Не нужное для насъ бываетъ ли пріятно?

*

Старался я узнать людей:
Узналъ — и въ горести своей

Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и нещастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги и друзьямъ, себѣ самимъ.

*

Тамъ бѣдный проливаетъ слёзы (*),
Въ судѣ невинный осужденъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находитъ въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе растетъ;
Для нихъ унылъ, печаленъ свѣтъ.

*

Смотри: невѣрная смѣется —
Любовникъ плачетъ отъ нее —
Она другому отдается,
Которой, обольстивъ ее,
Оставитъ, черезъ часъ забудетъ,
И самъ . . . чрезъ часъ обманутъ будетъ.

*

(*) Буква е съ двумя точками на верьху замѣняетъ іо.

Ехидны зависти вездѣ, вездѣ ши-
пятъ;
Достоинство, талантъ и трудъ
безъ награжденья.
Творите ли добро, вамъ люди зло
творятъ.
Отъ каменныхъ сердецъ не жди-
те сожалѣнья.

*

Злословіе свой ядъ на имя му-
дрыхъ льетъ;
Не судитъ ни объ комъ разсудокъ
безпристрастный:
Лишь страсти говорятъ. — Кто
въ роскоши живетъ,
Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ
есть нещастный.

*

Но онъ нещастливъ самъ, не зная,
отъ чего;
Желаетъ получить, имѣетъ и
скучаетъ;

Желаетъ новаго — и только что
желаетъ.
Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ
врагъ его.

*

По грозной влагѣ Океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана;
Плывемъ, спѣшимъ пристать къ
землѣ —
Но вѣтръ ярится съ новой силой,
И море . . . служитъ намъ моги-
лой.

*

Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадетъ —
Потомковъ та же участь ждетъ.

*

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ вѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

*

И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, преступникъ, извергъ злобы,
Изчезнутъ всѣ какъ тѣнь — и всѣмъ одинъ конецъ:
На всѣхъ грозится смерть, для всѣхъ отверсты гробы.

*

Для тигра, агницы сей лугъ равно цвѣтетъ,
Равно питаетъ ихъ. Нещастныхъ притѣснитель

Покоится въ землѣ какъ бѣдныхъ
утѣшитель;
На хладномъ гробѣ ихъ единый
мохъ растетъ.

*

Гордися славою, великими дѣлами
И памятники строй: что пользы?
ты забытъ,
Какъ скоро нѣтъ тебя, народомъ
и друзьями;
Могилы твоея никто не посѣтитъ.

*

Какъ жизнь для смертнаго мя-
тежна!
И мы еще желаемъ жить!
Какъ власть и слава ненадежна!
И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!

*

Несчастный, слабый человѣкъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченьи,

И кончишь дни свои въ мученьи:
Ахъ! лучше не родиться вѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ терзаться
И смерти каждый мигъ бояться!

*

Ничтожество! ты благо намъ;
Ты лучше капли наслажденій
И моря страшныхъ огорченій;
Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,
Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда тоскою изнуреннымъ!

*

Что насъ за гробомъ ждетъ, не знаетъ и мудрецъ.
Могила, тлѣнїе всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ?

*

Сей тайны изъ людей никто не
разрѣшилъ (*).
И червя произвелъ Творецъ неко-
стижимый;
Животныя и мы Его рукой хра-
нимы;
Имъ такъ же, какъ и намъ, Онъ
чувство сообщилъ.

*

Подобно намъ они родятся, уми-
раютъ:
Гдѣ будетъ ихъ душа? гдѣ бу-
детъ и твоя,

(*) Но сія тайна разрѣшена Откровеніемъ. Соломонъ, при всей своей мудрости, не былъ еще просвѣщенъ онымъ. Щасливымъ увѣреніемъ, что мы безсмертны, и что всѣ добрые будутъ блаженствовать въ вѣчности, обязаны мы Христіянству, болѣе, нежели практикамъ нашихъ Философовъ.

О бренный человѣкъ? Въ нихъ
чувства изчезаютъ,
Изчезнутъ и во мнѣ: увы! что-жь
буду я?

Но кто изъ смертныхъ разсуж-
даетъ?
Скупецъ богатства собираетъ,
Какъ будто человѣкъ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются съ волнами —
За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстить.

*

Предъ мощнымъ слабость трепе-
тала:
Онъ громъ держалъ въ своихъ ру-
кахъ;
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ, — земля пы-
лала —

Но меркнетъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный .... падетъ во прахъ.

*

Какъ розы юныя прелестины!
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣетъ цвѣтъ ея небесный:
Минута — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идетъ.

*

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ пріятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ внятны;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Изчезнутъ для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино престанетъ вкусу льстить;
Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.

*

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не разцвѣтетъ для сирца никогда.

*

А вы, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;

Забава есть твоя стихія;
Улыбка краситъ дни младыя,

*

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей, —
Забудь .... на время мудрость съ ней.

*

Люби! ... но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ не вѣренъ:
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и страсти
У мудрыхъ должны быть во власти,
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

*

Намъ все *употреблять* для щастія возможно:
во зло употреблять не должно ничего.
Спокойно разбирай, что истинно, что ложно;
Спокойствіе души зависитъ отъ сего.

*

Самъ Богъ тебѣ велитъ пріятнымъ наслаждаться,
Но помнить своего великаго Творца:
Онъ нѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя сердца!!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!!

*

Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и вздыхать!!
Онъ любитъ въ горести нещастныхъ утѣшать,

И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы
осушаетъ;
Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ
сердце освѣжаетъ.

*

Не будь ни въ чемъ излишно
строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай порокъ:
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно и ужасно.

*

Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ:
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ никогда?
Мудрецъ, народовъ просвѣститель,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?

*

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучь,

И гдѣ не видимъ бурныхъ тучь,
Огнями молній воспаленныхъ?
Ахъ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игралищемъ страстей.

*

Не только для благихъ, будь
добръ и для коварныхъ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ
дары лїетъ.
Прекрасно другомъ быть сердецъ
неблагодарныхъ!
Награды никогда великій мужъ
не ждетъ.

*

Награда для него есть совѣсть,
духъ спокойный.
(Безумїе и злость всегда враги
Уму:
Вниманїя его ихъ стрѣлы не до-
стойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость
щитъ ему.)

*

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія
свѣтилы,
Божественный огонь блеститъ въ
его очахъ.
Ему не страшенъ видъ отверстыя
могилы:
Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

ВОЛГА.

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристальныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,
Подъ шумомъ гордыхъ волнъ твоихъ —
Ихъ тонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь —
Хвалить красу твоихъ береговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтаютъ,
Поля волнистыя сіяютъ
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ которыхъ древле раздавался
Единый страшный ревъ звѣрей,

И эхомъ ввѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей —
Бреговъ, гдѣ прежде обитали
Орды златыя племена;
Гдѣ спрѣлы въ воздухѣ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Не рѣдко кровью обагрялись
Святыхъ, но слабыхъ Христіянъ;
Гдѣ враны трупами питались
Нещастныхъ древнихъ Россіянъ;
Но гдѣ теперь одной державы
Народы въ тишинѣ живутъ,
И всѣ одну Богиню чтутъ,
Богиню щастія и славы —
Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я природу полюбилъ, —

Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку, посвящилъ,
И росъ въ веселїи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ?
Дерзну ли пѣть, о матерь-рѣка!
Какъ ты, красуяся въ теченьѣ
По злату чистаго песка,
Несешь земли благословенье (*)
На сребряномъ хребтѣ своемъ,
Вездѣ щедроты разливаешь,
Вездѣ страны обогащаешь
Въ блистательномъ пути твоемъ;
Какъ быстро плаватель безстрашной
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Среди пучинъ стихїи влажной,
Въ твоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
Хваля свой жребій, милость Неба,
Хваля благопрїятный вѣтръ:

(*) То есть, суда съ хлѣбомъ и съ другими плодами земли.

И какъ, прельщенный свѣтомъ Феба,
Со дна подъемлется осетръ,
Играетъ на верьху съ волнами,
Съ твоими пѣнными буграми,
И плесомъ разсѣкаетъ ихъ? —
Когда же ты подъ мрачнымъ небомъ
Начнешь клубиться съ грознымъ ревомъ,
Начнешь кипѣть въ брегахъ своихъ —
Какъ вихри воздухъ раздираютъ,
Какъ громы съ трескомъ ударяютъ,
И молніи шипятъ въ волнахъ —
Когда пловцы, спастись не чая,
И къ тучамъ руки простирая,
Хладъ смерти чувствуютъ въ сердцахъ: —
Какая кисть дерзнетъ представить
Великость зрѣлища сего?

Какая пѣснь возможетъ славнѣе
Ужасность гнѣва твоего? . . .
Едва и самъ я въ лѣшахъ нѣжных,
Во цвѣтѣ радостной весны,
Не кончилъ дней въ водахъ мятежныхъ
Твоей, о Волга! глубины.
Уже безъ вѣтрилъ (*), безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила;
Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
Уже зіяла хлябь подъ нами
Своими пѣнными устами;
Надежды лучь въ душахъ блѣднѣлъ;

(*) Нѣкоторые изъ нашихъ стихотворцевъ въ словѣ *вѣтрила* дѣлаютъ удареніе на среднемъ слогѣ; но я ссылаюсь на всѣ церковныя книги.

Уже я съ жизнїю прощался,
Съ ея прекрасною зарей;
Въ тоскѣ слезами обливался,
И ждалъ погибели своей . . .
Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
Утихло бурное волненье,
И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
Какой восторгъ! какая радость!
Я землю страстно лобызалъ,
И чувствовалъ всю жизни сладость. — —
Сколь ты въ величїи своемъ,
О Волга! яростна, ужасна,
Столь въ благости мила, прекрасна:
Ты образъ Божїй въ мїрѣ семъ!
Теки, Россїю украшая;
Шуми, священная рѣка,
Свою великость прославляя, —
Доколѣ времени рука
Не истощитъ твоей пучины . . .

Увы! сей горестной судьбины
И ты не можешь избѣжать:
И ты должна своей вѣкъ окончать!
Но прежде многіе народы
Истлѣютъ, превратятся въ прахъ,
И блескъ цвѣтущія Природы
Померкнетъ на твоихъ брегахъ (*).

(*) Мысль, что Природа старѣется, есть не только пїитическая мысль; самые Философы и Натуралисты не опровергаютъ ее.

КЪ МИЛОСТИ.

Что можетъ быть Тебя святѣе,
О милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья
Взирать на прелести Твои?

*

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Идѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать.

*

Любовь твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры
воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

*

Блаженъ, блаженъ народъ живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостью пребудешь,
Доколѣ пользоваться будешь
Ты правомъ Матери одной;

*

Доколѣ гражданинъ покойно,
Безъ страха можетъ засыпать,

И всѣмъ Твоимъ подвластнымъ вольно
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ Природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться,
И славишь прелести Твои;

*

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудешъ въ мракъ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желанїяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

*

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Доколь довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,

Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

*

Спокойствія Твоей державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

МОГИЛА.

Одинъ голосъ.

Страшно въ могилѣ, хладной и
темной! —
Вѣтры тамъ (*) воютъ, гробы
трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.

*

Другой голосъ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покой-
ной.
Вѣтры тамъ вѣютъ, спящимъ
прохладно,
Травки, цвѣточки растутъ.

*

(*) То есть, на кладбищѣ.

Первой.

Червь кровоглавый точитъ умер-
шихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣз-
дятся,
Змѣи въ крапивѣ шипятъ.

*

Второй.

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладо-
стенъ, крѣпокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя пти-
чки
Пѣснь на могилѣ поютъ.

*

Первой.

Тамъ обитаютъ черные враны,
Алчныя птицы; хищные звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.

*

Второй.

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.

*

Первой.

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухѣ лунномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.

*

Второй.

Тамо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
Бѣлыхъ ясминовъ, лилей.

*

Первой.

Странникъ боится мертвой юдоли;
Ужасъ и трепетъ чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ:

*

Второй.

Странникъ усталый видитъ обишелъ
Вѣчнаго мїра — посохъ бросая,
Тамъ останется навѣкъ.

КЪ БОГИНѢ ЗДРАВІЯ.

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

*

Уста мои завяли,
Въ глазахъ весь огнь погасъ,
И сердце томно бьется:
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.

*

И червя оживляетъ
Прохладный вѣшерокъ;
И травку освѣжаетъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ страдать?

*

Хотя едину каплю,
Посланница боговъ,
Хотя едину каплю
Пролей въ мой уста —
И буду исцѣленъ!

*

Сойди, сойди, богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтьви?

*

Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

*

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?

*

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучь освѣщаетъ
Торъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный (*),
Гдѣ обитали издревле
Вышнія Силы и боги?

*

Гласъ твой божественный часто внимаю;
Часто сквозь облако образъ твой вижу —
Руки къ нему простираю —
Облако, воздухъ объемлю!

(*) Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожденіемъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя горы, то верьхи ихъ кажутся разноцвѣтными.

РАИСА.

Древняя Баллада.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкалъ на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

*

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.

*

Нося отчаянїе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стенанїй заглушить.

*

Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

*

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣпьями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

*

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ
острымъ,
Раиса всходитъ на него.

*

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю потопить.)

*

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
„Увы! увы! погибла я!

*

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

*

„Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу тебя! —
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной! . .
Почто тебя узнала я?

*

„Отецъ и мать меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.

*

„Когдажъ явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.

*

„Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.

*

„Душа моя въ твою вселилась;
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла;
Ты былъ мнѣ образъ Божества.

*

„Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла бъ я твоей измѣны,
И счастливъ былъ бы мой конецъ.

*

„Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

*

„Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его:
Увы! я воздухъ обнимала ....
Уже далеко былъ Кронидъ!

*

„Мечта изчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

*

„На холмъ высокой я спѣшила ....
Нещастная! ... Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

*

„СЪ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но ты не хочешь мнѣ внимать.

✿

„Теперь злощастная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ ...
Душа моя покоя жаждетъ ....
Прости! ... Будь щастливъ безъ
меня!“

✳

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ
громъ
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

ЭПИТАФІИ.

Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпитафій; она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробѣ.

1.

Небесная душа на небо возвратилась,
КЪ Источнику всего, въ объятія Отца;
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангелъ улыбалась:
Что жь тамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся милый прахъ!
Небесная душа ликуй на небесахъ!

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно возвратилась

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

МОЛИТВА о ДОЖДѢ.

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

*

Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ —
Нѣжный ландышъ, васильокъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не питаетъ ихъ роса . . .
Дѣти матерью забыты!

*

Солнце жжетъ, палитъ лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчать престали;
Истощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находитъ:
Черенъ холмъ и черенъ долъ.

Конь въ степи печально бродитъ;
Тощь и слабъ ревущій волъ.

*

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?
Гибнутъ всѣ его плоды! . . .
Въ горькой части безъ отрады,
Онъ терзается тоской;
За себя, за чадъ страдаетъ,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаетъ.
Дѣти плачутъ вмѣстѣ съ нимъ;
Игры всѣ не милы имъ!

*

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли,
Оросить лице земли!

*

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца,
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца:

Не ужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Не ужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ? —
Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсится земля —
Пѣсни въ рощи возвратятся —
Благодарный гимнамъ
Воскурится къ небесамъ!

ВЕСЕЛОЙ ЧАСЪ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

*

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

*

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой Мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

*

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябремъ:

Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

*

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пить и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

*

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

Въ чьихъ жилахъ льется кровь
Героевъ;
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ
Россъ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!

*

Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ —
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ —
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Земля дымится и дрожитъ;

*

Гдѣ Жизнь блѣднѣетъ и трепещетъ;
Гдѣ злобы, клятвы, ада дщерь, —

Гдѣ Смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жертвъ, и кровь ихъ жадно
пьетъ:

*

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разить безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!

*

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри Россіи врагъ!

*

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

ПѢСНЬ МИРА.

МирЪ блаженный, чадо Неба,
КЪ намЪ сЪ оливою летишЪ,
И вѣнецЪ свѣтлѣе Феба
На главѣ его блеститЪ.
ОнЪ вЪ дыханіи зефира
Ниспускается вЪ нашЪ край,
И отЪ горнихЪ странЪ эоира
ВЪ тьму низводитЪ свѣтлый рай.

Хоръ.

Бури, громы умолкаютЪ,
Тучи черны исчезаютЪ;
ИсчезаетЪ, какЪ призракЪ,
УжасЪ блѣдный, дымЪ и мракЪ.
Все вЪ Природѣ оживаетЪ;
СвѣтЪ проникЪ вЪ густую тѣнь:
Пышно роза расцвѣтаетЪ,
КакЪ весною вЪ красный день;

Лугъ пушится, зеленѣетъ,
Класъ сребрится вдалекѣ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

Хоръ.

Милліоны! веселитесь;
Милліоны обнимитесь,
Какъ объемлетъ брата братъ!
Лобызайтесь всѣ стократъ!

Пшички снова прилетаютъ
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ тигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все твореніе дружится,
На землѣ и на водахъ.

Хоръ.

Милліоны да ликуютъ!
Милліоны торжествуютъ!
Веселися вся земля!
Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На брегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сатиры
Составляютъ хороводъ.
И Силенъ, пѣвецъ забавной,
Громкимъ голосомъ поетъ;
Скачетъ, пляшетъ съ рѣзвой Дафной,
И къ веселью всѣхъ зоветъ.

Хоръ.

Пойте, пойте духа радость!
Лейте, лейте въ сердце сладость!
Веселися вся земля!
Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Музы, Граціи съ вѣнками
Окружаютъ, Миръ, тебя:
Снѣгобѣлыми руками
Цѣпь лилейную сплетя,
Ею нѣжно обвиваютъ
Крылья легкія твои,
И въ восторгѣ восклицаютъ:
„Вѣчно съ нами, Миръ, живи!“

Хоръ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестной,
Вѣчно съ нами, сынъ небесной,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губить другъ друга,
Сирымъ слезы проливать!
И печальная супруга
Да престанетъ горевать!
Долго смертные не знали,
Что блаженство есть любовь;
Щастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

Хоръ:

Смертный нынѣ просвѣтился,
И къ любови обратился.
Веселися вся земля!
Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Цѣпь сомкнувше, милліоны!
Дѣти одного отца!
Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!

Братски, нѣжно обнимитесь,
И клянитеся любить!
Чувствомъ, мыслїю клянитесь:
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жить.

Хоръ.

Мы клянемся всѣ сердечно,
Въ мирѣ съ братьями жить вѣчно!
Отче! слышишь клятву чадъ!
Мы твердимъ ее стократъ.

ОСЕНЬ.

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубровѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.

*

Поле и садъ опустѣли;
Стѣнуютъ холмы;
Пѣніе въ кущахъ умолкло —
Скрылися птички.

*

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

*

Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

*

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

*

Странникъ печальный утѣшься!
Вянетъ Природа
только на малое время;
Все оживится,

*

Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова Природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.

*

Смертный, ахъ! взнетъ насѣкъ!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

ПѢСНЬ БОЖЕСТВУ (*).

Господь Природы, — Безконечный,
Мїровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытїя всевѣчный,
Отецъ чувствительныхъ сердецъ:

*

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видитъ славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъявляетъ
И въ скорби льетъ потоки слезъ!

*

Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущїй,
Держащїй все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущїй, —
Въ странахъ эѳирныхъ и земныхъ!

*

(*) Сочиненная на тотъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ: *нѣтъ Бога!*

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Святый, премудрый, дивный Богъ!
Кто — сердцемъ, чувствомъ одаренной —
Тебя назвать мечтою могъ?

*

Тебя? . . И страшнымъ громомъ неба
Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожженъ?

*

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
Какъ мстишь, — наказывать враговъ;
Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

*

И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь. —

Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.

*

Любовь! и съ кроткимъ удивленьемъ, —
Въ минуту славы, торжества, —
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества,

*

Обнимутъ руку всеблагую,
Отцемъ простертую къ сынамъ;
Восхвалятъ милость пресвятую —
Рекутъ: *есть Богъ*; *міръ Божій храмъ!*

ПОСЛАНІЕ кЪ Д * * *.

Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ онъ жалуется на скоротечность щастливой молодости.

Конечно такъ — ты правъ, мой другъ!
Цвѣтъ щастья скоро увядаетъ,
И юность наша есть тотъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣтаетъ.
Тогда въ эѳирѣ мы живемъ,
И нектаръ сладостный піемъ
Изъ полной Олимпійской чаши.
Но жизни алая весна
Есть мигъ: увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,

Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей,
Надежды и мечты златыя
Какъ птички быстро улетятъ,
И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце затемнятъ —
Тогда, подобно Иксіону,
Не милую свою Юнону,
Но дымъ увидимъ предъ собой (*)!
И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами ободрялся —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для щастья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ

(*) Извѣстно изъ Миѳологіи, что Иксіонъ, желая обнять Юнону, обнялъ облако и дымъ.

Надеждой сладкой веселился
Не безполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслію гордился!
Источникъ радостей и благъ
Открыть въ чувствительныхъ душахъ;
Плѣнить ихъ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотою;
Орудіемъ Небеснымъ быть,
И въ пямяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампады
Съ звѣздою утра угасалъ.
Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было....
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щастливъ человѣкъ?
Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;

Красы волшебства исчезаютъ.
Теперь иной я вижу свѣтъ, —
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикъ намъ не учредить, —
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ — люди вѣчно.
Когда нещастныхъ Данаидъ (*)
Сосудъ наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ пріиметъ лучшій видъ
Сатурнъ на землю возвратится,
И тигра съ агнцемъ помиритъ;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И слабый сильнаго простить.
Дотолѣ истина опасна,
Однимъ скучна, другимъ ужасна;

(*) Онѣ въ подземномъ мірѣ льютъ безпрестанно воду въ худой сосудъ.

Никто не хочетъ сей внимать —
И часто ядъ тому заплата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья —
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ!

*

Но что же намъ, о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Но можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,

Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной сѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣбъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться *издали* порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осенних.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весенних
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огнь погасъ въ глазахъ;
Хотя красавицы престали
Меня любезнымъ называть —
(Зефиры съ нами отыграли!) —
Но мы не должны унывать;

Живемъ по общему закону.
Отелло въ старости своей
Плѣнилъ младую Дездемону (*),
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Пріятнымъ Аонійскимъ даромъ (**).
Онъ съ нѣжнымъ, трогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
Какъ онъ за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безстрашно въ юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,

(*) Смотри Шекспирову трагедію Отелло.
(*)То есть даромъ краснорѣчія.

Терпѣлъ жестокій зной и хладъ,
Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.
Она внимала, удивлялась;
Брала участіе во всемъ;
Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вдавалась,
И въ нѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: *я люблю тебя*!
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душею.
Она пріятностью своею
Украситъ западъ нашихъ дней.
Бесѣда опытныхъ людей,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!

Искать блаженства намъ не должно;
Но должно — менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Хранящимъ другомъ и хранимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной:
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали;
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Злодѣямъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,

Тотъ съ тихимъ чувствіемъ
встрѣчаетъ
Златую Фѣбову стрѣлу (*),
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ — тамъ — за синимъ океа-
номъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ .... но мы еще не
зримъ.

(*) Древніе Поэты говорили, что златая Фѣбова стрѣла приноситъ смерть человѣку.

КЪ Д *.

„Многїе Барды, лиру настроивъ,
„Смѣло играютъ, поютъ;
„Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
„Мчатся по рощамъ, шумятъ.

*

„Многїе Барды, тоны возвысивъ,
„Страшныя битвы поютъ;
„Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
„Стонъ пораженныхъ и смерть.

*

„Многїе Барды, тоны унизивъ,
„Сельскую радость поютъ —
„Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
„Вздохи, утѣхи любви.

*

„Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
„Намъ воспѣваютъ вино,
„Всѣхъ призывая имъ утолять
„Скуку, заботы, печаль.

*

„Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
„Душу приводятъ въ восторгъ?
„Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
„Гдѣ Анакреонъ другой?

*

„Мало осталось Бардовъ великихъ!“ —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катятся;
Лира упала изъ рукъ.

*

Быстро Зефиры съ Невскаго брега,
Быстро несутся ко мнѣ —

Вѣютъ — вливаютъ сладкія
пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ...

*

Я восхищаюсь! — Въ радости
сердца
Громко взываю, пою:
„Древніе Барды духъ свой влiяли
„Въ новаго Барда Невы!“

КЪ СОЛОВЬЮ.

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжной, кроткой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной нощи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.

Но почто жь рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноютъ и томятся
Отъ гармоніи твоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныя земли
Люотой смертью заключенныхъ!
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травою.
Я остался сиротою . . .
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!

СЪ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
СЪ кѣмъ Природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!
СЪ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни отлетаетъ;
Сердцу скучно одному —
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.

Скоро ль пѣснію своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?

ФИЛЛИДѢ.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасной,
Въ которой ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселится!
Взгляни же и на друга,
Которой для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златострунну,
Чтобъ радостную пѣсню
Сыграть на ней Филлидѣ,
Въ щастливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излить желанья дружбы.

Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ утромъ,
Которое питаетъ
Ясмины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!
Будь радостна, безпечна,
Какъ радостенъ, безпеченъ
Пѣвецъ весны и утра,
Вїясь подъ облаками!
Когда ль вздохнуть захочешь —
Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни? —
Да будетъ вздохъ твой кротокъ!
И естьли въ нѣжныхъ чувствахъ
Слезу прольешь изъ сердца:
Блистай сна подобно
Росѣ на юныхъ розахъ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый!

Да девять Сестръ небесныхъ,
И важныхъ и веселыхъ,
Тебя въ сей годъ плѣняютъ

Бесѣдою своею!
Родившая Орфея
Читай тебѣ Гомера;
Всезнающая Клїо
Плутарха или Юма;
Съ кинжаломъ Мельпомена
Шекспира декламируй;
Полимнїя въ восторгѣ
Пой Пиндаровы Оды;
Эрата съ нѣжной краской
Читай тебѣ тихонько
Теоскаго Поэта;
А Талїя съ Мольеромъ
На счетъ пороковъ смѣйся;
Уранїя повѣдай,
Что Гершель въ небѣ видитъ;
Играй тебѣ Эвтерпа
На флейтѣ сладкогласной
Божественныя пѣсни
Изъ Генделевыхъ пѣсней;
Какъ Вестрисъ Терпсихора
Пляши передъ тобою!

ВЪ чудесномъ же искусствѣ,
Любовію найденномъ,
Будь въ годъ сей Прометеемъ,
Жизнь въ мертвое вливая!
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства —
Представь намъ Аполлона —
И вдругъ, когда потужишь,
Что юноша не дышетъ,
Да оживится образъ,
И ставъ передъ тобою — —
Филлида! я умолкну.

НА РАЗЛУКУ СЪ П * *

Прости, мой другъ! въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю —
Рокъ мрачный разлучаетъ насъ —
Послѣднюю слезу безмолвно проливаю . . .
Прости, и будь мнѣ другъ всегда!
Хотя бъ моря межъ насъ шумѣли,
Пески Ливійскіе горѣли;
Хотя бъ громады вѣчна льда
Меня съ тобою раздѣлили:
Ахъ, милой другъ! душѣ моей
Онѣ бъ не заградили
Пути къ душѣ твоей!.
Прости, и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣстъ за мною!

Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ Знатность, Слава
Тебя съ дарами ждутъ. Души твоей и нрава
Ничто не премѣнитъ; ты будешь вѣчно *ты* —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь вѣренъ —
И видя вкругъ себя пороки, подлость, лесть,
Которыхъ цѣль есть суетная честь,
Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣйшее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ тишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное бремя,

Но радостный восторгъ; когда, удалены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы
Въ прохладныхъ гротахъ отдыхали;
Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ сладость . . .
Ахъ! часто мракъ шемнилъ надъ нами синій сводъ;
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Не рѣдко огнь блисталъ, гремѣлъ надъ нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который простиралъ къ намъ съ неба длань благую.

ВЪ восторгѣ пѣли мы гимнъ славы, пѣснь святую,
И съ молніею нашъ горѣ стремился духъ.
Ты вспомнишь все сіе, и слезы покатятся
По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣжной другъ!
Сіи блаженны дни вовѣкъ не возвратятся! —
Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ грудь мою . . .
Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы зеленѣютъ,
И утренній пѣвецъ (*) гласитъ намъ пѣснь свою —
Увы! тебя здѣсь нѣтъ! . . . цвѣты вездѣ пестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не цвѣтетъ . .

(*) Жаворонокъ.

Прости! благій Отецъ и Геній
твой съ тобою.
Кто въ мирѣ и любви умѣетъ
жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ
странахъ найдетъ.
Прости! твой другъ умретъ
тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ
своей покойнымъ.
Не скажутъ ввѣкъ объ немъ, чтобъ
онъ чиновъ искалъ;
Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда
нибудь ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ колѣна
преклоняетъ;
Страшится — одного себя;
Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душей тебя.

ПРОСТИ.

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

*

Любилъ не бывъ любимымъ,
Къ нещастью моему . . . .
Увы! насильно милымъ
Не будешь никому.

*

Не знатенъ я, не славенъ:
За что меня любить?
Не веселъ, не забавенъ:
Могу ль кого прельстить?

*

Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего;

Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

*

(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить)

*

Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своей,
Мечталъ я дерзновенный
О нѣжности твоей!

*

Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской! —

*

Надежды лучь блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей . . .
Уже другой владѣетъ
Навѣкъ рукой твоей! . . . .

*

Будь щастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — вѣкъ мила!

*

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
Я буду жизнь вести,
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца — прости!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ БОННЕТУ (*).

Онъ былъ великъ душей своей,
Милъ сердцемъ и умомъ полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величїе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ ушѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной. —

(*) Которая излилась изъ души моей въ самой полночь часъ, какъ я получилъ извѣстїе о смерти сего незабвеннаго друга человѣчества, сего великаго Философа, сего истиннаго мудреца, любезнаго моему сердцу.

Леманъ (*)! въ зерцалѣ водъ твоихъ
Затмился зракъ Его священный;
Но умъ, но духъ Его нетлѣнный
Живетъ въ твореніяхъ своихъ.

(*) Женевское озеро — Боннетъ жилъ на берегу его.

ЛЮБЕЗНОЙ.

Въ день ея рожденія.

Въ сей день тебя Любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
Сказала: *будь мила!* . . .
„Будь щастлива!“ сказать богиня не могла.

СТРАННОСТЬ ЛЮБВИ,

ИЛИ

БЕЗСОННИЦА.

Кто для сердца всѣхъ страшнѣе?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!

*

„Кто же милая твоя?“
Я стыжусь: мнѣ право больно
Странность чувствъ моихъ открыть
И предметомъ шутокъ быть.
Сердце въ выборѣ не вольно!...
Что сказать? Она . . . она . . .
Ахъ! ни мало не важна,
И талантовъ за собою
Не имѣетъ никакихъ;

Не блистаетъ остротою,
И движеньемъ глазъ своихъ
Не умѣетъ изъясняться;
Не умѣетъ восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаетъ,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираетъ.

*

Знайте также, что она
Не Венера красотою —
Такъ худа, блѣдна собою,
Такъ эѳирна и томна,
Что безъ жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!

*

„Что жъ такое думать должно?
„Увѣряютъ старики
„(Въ этомъ дѣлѣ знатоки),
„Что *любовь любовь раждаетъ*, —
„*Сердце нравится любя*:

„Можетъ быть она плѣняетъ
„Жаромъ чувствъ своихъ тебя;
„Можетъ быть она на свѣтѣ
„Не имѣетъ ничего
„Для души своей въ предметѣ,
„Кромѣ сердца твоего?
„Ахъ! любовь и страсть такая
„Есть небесная, святая!
„Умъ блестящій, красота
„Передъ нею суета.“

*

Нѣтъ! . . къ чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вамъ, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нѣжной, страстной не бывала,
И съ любовью на меня
Глазъ своихъ не устремляла.
Нѣтъ въ ея душѣ огня!
Тщетно пламенемъ пылаю —
Въ миломъ сердцѣ ледъ, не кровь!

Такъ какъ Эхо (*) изсыхаю —
Нѣтъ ошвѣта на любовь!

*

Очарованъ я тобою,
Богъ, играющій судьбою,
Богъ коварной — Купидонъ!
Ядовитою стрѣлою
Ты лишилъ меня покою.
Какъ ужасенъ твой законъ,
Мудрыхъ мудрости лишая,
И ученый кабинетъ
Въ жалкой *Бедламъ* (**) превращая,
Гдѣ безумїе живетъ!
Щастливъ, кто не знаетъ страсти!

(*) Т. е. Нимфа, которая отъ любви къ Нарциссу превратилась — въ ничто, и которой вздохи слышимъ мы иногда въ лѣсахъ и пустыняхъ, и называемъ — эхомъ.

(**) Домъ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

Щастливъ хладной человѣкъ,
Не любившій весь свой вѣкъ! . . .
Я завидую сей части,
И съ Титаніей люблю
Всѣмъ насмѣшникамъ въ забаву (*)! . .
По Небесному уставу
Днемъ зѣваю, ночь не сплю.

(*) Любопытные могутъ прочитать третіе дѣйствіе, вторую сцену Шекспировой піэсы: Midsummer-night's dream.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Пришла весна — цвѣтетъ земля;
Древа шумятъ въ вѣнцахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ;
Красуются луга, поля;
Стада вокругъ холмовъ играютъ;
На вѣтвяхъ птички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

*

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный тигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;

Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится ѳиміамъ
Цвѣтовъ и древъ и травъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!

*

Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный,
Своею злобой нарушать? . .
Безсмертный человѣкъ!..созданный
Собой Натуру украшать! . . .
Любимецъ Божества избранный!
Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!

*

Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ (*):

(*) Начало военныхъ дѣйствій весною.

Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко щастью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единаго дѣтей!

НАДЕЖДА.

Il est doux quelquefois de rêver le bonheur.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
Что душу странниковъ нещастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Въ прохладѣ нѣжнаго зефира,
Жить будетъ съ милою семьей.

*

Надежда! ты моя богиня:
Надежда, лучь души моей!

Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу отрадою твоей!
Хотя томлюся и страдаю,
Но ты во мнѣ . . . не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи:
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи —
Вдали возможность щастья зрю!

*

Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
Другъ друга *радостно* любить!
Въ душѣ моей, теперь унылой,
Твой *образъ* можетъ . . . *съ щастьемъ* жить!
Когда? когда? — увы! не знаю;
Но вѣря чувству, ожидаю,
Что намъ готовится вѣнецъ;
Что мы навѣкъ соединимся,
И въ жизни раемъ насладимся:
Умремъ въ слiянiи сердецъ.

*

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтьви ихъ сплетясь растутъ;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но чувства ихъ въ одномъ живутъ.
Препятствій страшныхъ милїоны,
Тиранство рока и законы
Не могутъ страсти прохладить;
Она всего, всего сильнѣе;
Всего, мой милой другъ, святѣе —
Самъ Богъ велитъ намъ такъ любить!

*

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
Любви, всесильныя любви.
Могу ль сказать: „будь, сердце, камень, —
„Угасни огнь въ моей крови?„
Могу ль сказать *прости* надеждѣ?
Мы видимъ-любимъ, другъ мой, прежде,
Чѣмъ знаемъ, должно ли любить;

Полюбимъ, и въ себѣ не властны;
Умолкнетъ разумъ безпристрастный —
Лишь сердце будетъ говорить.

*

Когда жь, о милой другъ! намъ должно
Въ семъ мірѣ только слезы лить,
Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
Нещастнымъ щастливыми быть!
Клянуся... Небобудь свидѣтель!...
Любить святую добродѣтель,
Чтобъ рай въ томъ мірѣ заслужить,
Гдѣ все прошедшее забудемъ,
Гдѣ только милыхъ помнить будемъ;
А рай мой .... тамъ съ тобою жить!

НА СМЕРТЬ К. Г. А. ХОВАНСКАГО,

Дек. 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не стало!
Увы! намъ въ гробѣ всѣмъ лежать;
На всѣхъ грозится смерти жало:
Лишь троненъ, должно умирать!

*

Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величїемъ сїялъ:
Взгляни . . . . вѣнецъ лежитъ на тронѣ,
Но вѣнценосецъ прахомъ сталъ.

*

Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ: „я мїра побѣдитель!„
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ.

*

Нарцисъ гордился красотою,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелетъ махнулъ косою . . .
Прости любовь! Нарцисъ увялъ.

*

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золото стерегъ;
Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!

*

Она и въ пору и не въ пору
Велитъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спѣшитъ за гробъ переселять.

*

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живетъ,
И мiръ покойно оставляя,
Безъ страха въ темный путь идетъ!

*

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ.

*

Чего же подъ Его покровомъ
Бояться добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищѣ новомъ,
Найдутся радости для насъ. —

*

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ;
Онъ былъ . . . лишь доброй человѣкъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

*

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;
Его не многіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

*

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалѣя;
Отдать послѣднее былъ радъ.

*

Друзья! пойдемъ съ душей унылой
Ему печальный долгъ воздать:
Поплакать надъ его могилой.
Намъ также будетъ умирать!

КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Изъ Аѳинскаго Ужина.

Цвѣти, отечество святое,
Сынамъ любезное, драгое!
Мы всѣ боготворимъ тебя,
И въ жертву принести себя
Для пользы твоея готовы.
Ахъ! смерть ничто, когда оковы
И стыдъ грозятъ твоимъ сынамъ!
Такъ древле Кодры умирали,
Такъ Леониды погибали
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.
Союзъ родства и узы крови
Не такъ священны для сердецъ,
Какъ святъ законъ твоей любови.
Оставитъ милыхъ чадъ отецъ,
И сынъ родителя забудетъ,
Спѣша отечеству служить;
Умретъ онъ, но потомство будетъ
Героя полубогомъ чтить.

ПѢСНЬ ВАКХУ.

Изъ Аѳин. Уж.

Вакхъ не терпитъ мрачныхъ взоровъ;
Вакхъ, любитель громкихъ хоровъ,
Радость въ сердце тихо льетъ;
Зависть, злобу истребляетъ;
Горесть, скорби умерщвляетъ;
Въ мирѣ съ добрыми живетъ.

*

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость —
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ!

*

Впредь что будетъ, мы не знаемъ —
Что прошло, позабываемъ;

Настоящее для насъ.
Презримъ суетность земную,
Важность скучную, пустую;
Часъ веселья сладкой часъ!

*

Пѣйте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость —
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ!

ПѢСНЬ САФИНА.

Изъ Овин. Ух.

Почто, о богъ, сердцамъ ужасный!
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Увы! почто Фаонъ прекрасный
Меня красой своей плѣнилъ?

*

Почто? — Фаонъ не знаетъ страсти,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власти,
Огня, волненія въ крови!

*

Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ —

Дрожу, томлюся, умираю
Въ восторгѣ, въ пламенныхъ слезахъ.

*

Мнѣ все противно, все постыло,
Когда сокроется Фаонъ;
Брожу въ лѣсахъ, брожу уныло, —
Зрю тьму вездѣ и слышу стонъ.

*

Жестокій Сафою скучаетъ:
Ему несносенъ взоръ ея!
Жестокій Сафы убѣгаетъ:
Ему несносна жизнь моя!

*

На что же мнѣ вздыхать, томиться?
Любовь злощастная есть адъ.

Иду отъ страсти исцѣлиться
Въ твоихъ пучинахъ, о Левкадъ (*)!

*

Пусть жизнь съ любовью прекратится
Въ шумящихъ пѣнистыхъ волнахъ:
рѣка забвенія струится
Въ блаженныхъ Орковыхъ странахъ (**).

*

(*) Древніе Греки думали, что нещастные любовники, бросаясь въ море съ Левкадской скалы, излечаются отъ своей страсти; многіе бросались и — погибали.

(**) Миѳологія говоритъ, что въ странахъ Орковыхъ, то есть въ жилищѣ мертвыхъ, течетъ Лета, *рѣка забвенія*. Души умершихъ прежде всего къ ней провождаются, пьютъ съ жадностію воду ея, и забываютъ всѣ горести земной жизни. Прекрасная выдумка! и много такихъ найдемъ мы въ Греческой Миѳологіи.

Ея пищательныя воды
Жаръ груди, сердца прохладятъ,
И щастье мирныя свободы
Невинной Сафѣ возвратятъ.

*

Я тамъ жестокаго забуду,
Какъ утромъ забываютъ сонъ ...
О радость! . . . я любить не буду
Тебя, безжалостный Фаонъ!

*

Невидимый хоръ.

Погибаетъ! . . . погибаетъ! . . .
Бездна Сафу поглощаетъ!
Лира Сафина въ волнахъ —
Нѣтъ души въ ея струнахъ! . . .
Жертва страсти, не порока!
Жертва бѣдственнаго рока!
Даръ небесный, сладкій гласъ,
Отъ судьбы тебя не спасъ!

СМЕРТЬ ОРФЕЕВА.

Изъ Аѳин. Уж.

Нимфы, плачьте! . . нѣтъ Орфея!
Вѣтръ унылый, тихо вѣя,
Намъ вѣщаетъ: *нѣтъ его!*
Ярость фурій изступленныхъ,
Гнусной страстью воспаленныхъ,
Прекратила жизнь того,
Кто плѣнялъ своей игрою
Кровожаждущихъ звѣрей,
Гармонической струною
Трогалъ сердце люшыхъ Грей,
И для нѣжной Эвридики
Въ Тартаръ мрачный нисходилъ.
Ахъ, стенайте! — Берегъ дикій
Прахъ его въ себя вмѣстилъ.
Сиротѣющая лира
Отъ дыханія Зефира

Звукъ печальный издаетъ:
нѣтъ пѣвца! Орфея нѣтъ!
Эхо повторяетъ: *нѣтъ!*
Надъ могилою священной,
Мягкимъ дерномъ покровенной,
Филомела слезы льетъ.

КЪ БѢДНОМУ ПОЭТУ.

Престань, мой другъ, Поэтъ любезный!
Роптать на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Для сердца могутъ быть прелестны.
Фортуна-мачиха тебя,
За что-то очень не взлюбя,
Пустой сумою наградила
И въ міръ съ клюкою отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любитъ награждать
Несчастныхъ пасынковъ Фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣть, чудесный даръ
Вливать огонь въ златыя струны,
Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;

Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ птичка въ бѣломъ свѣтѣ волен,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать, есть страсть глупцовъ.

*

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной
По свѣтло-желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поэтъ! Натура вся твоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на велелѣпномъ тронѣ.
Оставь другимъ носить вѣнецъ:
Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,

Вѣнкомъ, изъ нѣжныхъ розъ сплетеннымъ,
Тобой отъ Граціи полученнымъ!
Тебѣ никто не хочетъ льстить:
Что нужды? кто въ душѣ спокоинъ,
Кто истинной хвалы достоинъ,
Тому не скучно вѣкъ прожить
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичекъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
Которыхъ Музы въ одахъ лгутъ
Нескладно-пышными словами.

*

Мой другъ! существенность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтами,
Иначе будетъ жизнь скучна.

Не Крезъ съ мѣшками, сундуками
Здѣсь можетъ веселѣе жить,
Но тотъ, кто въ бѣдности умѣетъ
Себя богатствомъ веселить;
Кто даръ воображать имѣетъ
Въ карманѣ тысячу рублей,
Копѣйки въ домѣ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль какъ Фея
Творитъ красавицъ изъ цвѣтка;
На соснѣ розы производитъ,
Въ крапивѣ нѣжный миртъ находитъ
И строитъ замки изъ песка.
Лукуллы въ негѣ утонченной
Напрасно вкусъ свой притупленной
Хотятъ чѣмъ новымъ усладить.
Сатрапъ съ Лаисою зѣваетъ;
Плашокъ ей бросивъ, засыпаетъ.
Ихъ жребій: дни считать, не жить;
Душа ихъ въ роскоши истлѣла,
Подобно камню онѣмѣла

Для чувства радостей земныхъ.
Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья.
Въ мечтахъ, въ желанїяхъ своихъ
Мы только щастливы бываемъ;
Надежда золото для насъ,
Призракъ любезнѣйшїй для глазъ,
Въ которомъ щастье добываемъ.

*

Не сытому хвалить обѣдъ,
За коимъ Нимфы, Ганимедъ
Гостямъ амврозїю разносятъ,
И не въ объятїяхъ Лизетъ
Пѣвцы красавицъ превозносятъ;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами пищаясь,
Но въ мысляхъ царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови къ себѣ въ стихахъ прелестныхъ
Друзей, душѣ твоей любезныхъ,
На сладкой и роскошной пиръ;

Сбери красотокъ несравненныхъ,
Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ
лиръ
Пѣть въ громкомъ и пріятномъ
хорѣ,
Летать подобно Терпсихорѣ
При плескѣ радостныхъ гостей,
И милой ласкою своей,
Умильнымъ, сладострастнымъ
взоромъ,
Нѣмымъ, но внятнымъ разгово-
ромъ,
Сердца къ тому приготовлять,
Чего . . . въ стихахъ не льзя ска-
зать.

Или, подобно Донъ-Кишоту,
Имѣя къ рыцарству охоту,
Въ шишакъ и панцырь нарядись,
На борзаго коня садись,
Ищи опасныхъ приключеній,
Волшебныхъ замковъ и сраженій,

Чтобъ добрымъ Принцамъ помогать,
Принцессъ отъ узъ освобождать.
Или, Платоновъ воскрешая,
Изъ нимя умъ свой изощряя,
Законъ Республикамъ давай,
И землю въ небо превращай.
Или . . . но какъ все то исчислить,
Что можетъ стихотворецъ мыслить
Въ укромной хиженкѣ своей?

*

Мудрецъ, которой зналъ людей,
Сказалъ, что міръ стоитъ обманомъ;
Мы всѣ, мой другъ, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемымъ шумяномъ
Покрыта истина для насъ.
Кто можетъ вымышлять пріятно,
Стихами, прозой — въ добрый часъ!

Лишь толькобъ было вѣроятно.
Что есть Поэтъ? искусной лжецъ:
Ему и слава и вѣнецъ!

ОТСТАВКА.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

Итакъ въ отставку ты уволенъ!
Что дѣлать, нѣжной пастушокъ?
Взять въ руки шляпу, посошокъ;
Сказать: *спасибо; я доволенъ!*
Итти, и слезки не пролить.

*

Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жить.
Свобода дѣло золотое,
Свобода въ мысляхъ и въ любви.
Минута чувства воспаляетъ,
Минута гаситъ огнь въ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но тонкой волосокъ:
Дохнетъ ли рѣзвой вѣтерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межъ ими...

Всему конецъ, и связи нѣтъ!
На что упреками пустыми
Терзать другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ вѣкъ идетъ.
Всѣ любятъ, Хлоя, разлюбляютъ;
Клянутся, клятву преступаютъ:
Гдѣ судъ на вѣтреность сердецъ?
Что нынѣ взору, чувствамъ мило,
То завтра будетъ имъ постыло.
Теперь вамъ нравится мудрецъ,
Чрезъ часъ понравится глупецъ,
И часто бога Аполлона
(Чему свидѣтель древній мїръ)
Смѣнялъ въ любви лѣсной Сатиръ.
Подъ скипетромъ душегубца Крона (*)
Какому постоянству быть?
Гдѣ время царь, тамъ все конечно;
И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
Придется одного любить!

*

(*) Сатурна.

И такъ смотри въ глаза мнѣ смѣло;
Я право, Хлоя, не сердитъ.
Шумѣнь, мужей несносныхъ дѣло;
Любовникъ видитъ, и молчитъ.
Укажутъ дверь — и онъ съ поклономъ
Ее затворитъ за собой;
Не ссорясь съ новымъ Селадономъ,
Пойдетъ ... стихи писать домой.

*

Я жилъ въ Аркадіи съ тобою
Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней!
Довольно — лучшій соловей
Поетъ не долѣе весною. . . .
Я также, Хлоя, пѣлъ тебя! . .
И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
Рукою . . . на пескѣ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

*

Но *старой* другъ твой не забудетъ,
Что кто о *старомъ* помнить будетъ,

Лишится глаза какъ Циклопъ (*):
Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
Подъ часъ украсится рогами;
Лишь только былъ бы я съ глазами!

(*) Руская пословица: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.„

ПОСЛАНІЕ
КЪ
А. А. П.

Мой другъ! вступая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душею,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На тронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ; —

Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ! .. не зримо ни въ одномъ!

*

О щастьи слово. Удалимся
Подъ вѣтьви сихъ зеленыхъ ивъ;
Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ (*).

*

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ *десять тысячъ* было мнѣній,
Ученыхъ философскихъ прѣній,
Въ архивахъ древности сѣдой (**)

(*) Сіи стихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ тѣнію ивъ.

(**) Десять тысячъ!! Читатель можетъ сомнѣваться въ вѣрности счета; но одинъ изъ древнихъ же Авторовъ пишетъ, что ихъ было точно десять тысячъ.

О средствахъ жить щастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но точно шакъ, мой другъ; въ семъ счетѣ
Ошибки нѣтъ. Ѳалесъ, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Критонъ —
Біоны, Симміи, Стильпоны,
Эсхины, Эмміи, Зеноны,
Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ щастію манили
Своею . . . нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плодъ земнаго совершенства,
Въ саду ихъ мудрости растетъ;
Что въ немъ нетлѣнный цвѣтъ блаженства
Какъ роза пышная цвѣтетъ.
Слова казалися прекрасны,
Но только были несогласны.

Одинъ кричалъ: *ступай туда!*
Другой: *нѣтъ, нѣтъ! поди сюда!*
Чтожь Греки дѣлали? Смѣялись;
Ученой распрей забавлялись,
А щастье . . . называли сномъ!

*

И въ наши времена о томъ
Бываетъ много шуму, спору.
Не мало новыхъ гордецовъ,
Которымъ часто безъ разбору
Даютъ названье мудрецовъ;
Они намъ также обѣщаютъ
Открыть прямой ко щастью слѣдъ;
Въ глаза же щастія не знаютъ;
Живутъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
Живутъ, и горькими слезами
Судьбѣ тихонько платятъ сами
За право умниками слыть,
О щастьи въ книгахъ говорить!

*

Престанемъ льстить себя мечтою,
Искать блаженства подъ луною!
Скорѣе, другъ мой, ты найдешь
Чудесный Философскій камень,
Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
Япетовъ сынъ эѳирный пламень
Похитилъ для людей съ небесъ,
Но щастья къ нимъ онъ не принесъ;
Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
И тамъ, съ Юпитеромъ, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нѣтъ!
Судьбы рекли: *да будетъ свѣтъ*
Жилищемъ призраковъ, суетъ,
Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!
Рекли — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои въ латы нарядились,
Плѣняся Славы красотой;
Мечемъ махнули, полетѣли
Въ забаву умерщвлять людей;
Одни престоловъ захотѣли,
Другіе самыхъ олтарей;

Одни тумящими рулями
Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
Другіе мощными руками
Отверзли въ землю темный ходъ,
Чтобъ взять пригоршни свѣтлой пыли! . . .

Мечты всѣмъ головы вскружили;
А горесть врѣзалась въ сердца.
Народовъ сильныхъ побѣдитель
И странъ безчисленныхъ властитель

Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
И часто самъ того не знаетъ,
На что величія желалъ
И кровью лавры омочалъ!
Смѣльчакъ, Америку открывшій,
Пути ко щастью не открылъ;
Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
Цѣпями самъ окованъ былъ,
Провелъ и кончилъ жизнь въ страданьѣ —

А сей вздыхающій скелетъ,
Которой богомъ чтитъ стяжанье,
Среди богатствъ въ тоскѣ живетъ!...
Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ
Глазами волны перечтетъ?
И кто представитъ намъ въ картинѣ
Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

*

Чтожъ дѣлать намъ? Уже ль сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
И съ міромъ навсегда проститься,
Когда, къ нещастью, міръ таковъ?
Увы! Анахоретъ не будетъ
Въ пустынѣ щастливѣе насъ!
Хотя земное и забудетъ;
Хотя умолкнетъ страсти гласъ

Въ его душѣ уединенной,
Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
Но сердце станетъ унывать,
Въ груди холодной тосковать,
Не зная, чѣмъ ему заняться.
Тогда пустынникуявятся
Химеры, адскія мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищъ грозныхъ милліоны,
Змѣи летучія, драконы,
Надъ нимъ крылами зашумятъ,
И страхомъ умъ его затмятъ (*)...
Въ тоскѣ онъ жизнь свою скончаетъ!

*

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въ немъ нѣтъ,
Хотя въ немъ горесть обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,

(*) Многіе пустынники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ,
оспаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить,
Безъ всякихъ суетныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бываетъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тьмѣ густой, въ печальной мглѣ
Сверкнетъ лучь солнца веселѣе: —
Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердецъ.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ
воленъ,

Не есть чиновъ, богатства льстецъ;
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ;

Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ;
Подъ солнцемъ домикъ *свой* имѣетъ,
Въ *сей день* для *дня сего* живетъ
И мысли вдаль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;

Кому нещастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;

Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,

Любимымъ, щастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто Музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ;
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется,
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой одѣнитъ,
Среди колючихъ жизни терній,
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

ОТВѢТЪ МОЕМУ ПРІЯТЕЛЮ,

Которой хотѣлъ, чтобы я написалъ похвальную оду Великой ЕКАТЕРИНѢ.

Мнѣ ли славить тихой лирой
Ту, Которая порфирой
Скоро весь обнимешъ свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдной чижикъ не дерзнетъ
Нѣтъ гремящей Девса славы;
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощицѣ живетъ.

*

Блескъ Россійскія державы
Очи бренныя слѣпитъ:
Тамъ на первомъ въ свѣтѣ тронѣ
Въ лучезарнѣйшей коронѣ

Мать отечества сидитъ,
Правитъ царствъ земныхъ судьбами,
Правитъ мiромъ и сердцами,
Скиптромъ щастiе даритъ,
Взоромъ бури укрощаетъ,
Словомъ милость изливаетъ
И улыбкой все живитъ.

*

Что Богинѣ наши оды?
Что Великой пѣснь моя?
Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала — дѣла Ея;
Имъ дивяся, умолкаю
И хвалить позабываю.

КЪ НЕЙ.

Тебѣ ли думать, другъ безцѣнный,
Что есть измѣнники въ любви?
Огонь, тобою воспаленный,
Погаснетъ ли когда въ крови?
Погаснетъ съ жизнію, не прежде!

*

И мнѣ ль непостояннымъ быть?
Мнѣ ль бабочкой порхать, въ надеждѣ
Другую болѣе любить?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можетъ въ жизни человѣкъ
Два раза быть влюбленъ, не знаю.
Не спанетъ сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣетъ.
Однажды роза въ годъ алѣетъ,
Однажды красится ей лугъ;

Однажды любимъ всей душою —
Чтобъ щастье райское вкусить,
Или глаза навѣкъ закрыть
Со вздохомъ горести, съ тоскою!

ДВѢ ПѢСНИ.

I.

Мы желали — и свершилось!...
Лиза! Небо любитъ насъ.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный часъ!

*

Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть твоимъ нѣжнѣйшимъ другомъ...
Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!

*

Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакать, естьли должно
Смертнымъ слезы проливать.

*

Нѣжность горе услаждаетъ,
Дружба милою рукой
Слезъ потоки отираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

*

Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я навѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

*

Пусть Прелесты тамъ сіяютъ
Блескомъ хитростей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ;
Пусть другіе любятъ ихъ!

*

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!

*

Сонъ изчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;

Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

*

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!

*

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

*

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;

Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.

*

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

*

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

*

Когда ты скажешь: *милой*!
Проходитъ грусть моя, —
Свѣтлѣетъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

*

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Несчастливъ безъ тебя.

*

Но естьли рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ?
Что буду я нещастной? . . .
Сырой землей покрытъ!

*

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!

Приписаніе къ Г жѣ. N., которая желала, чтобы я списалъ для нее сіи двѣ пѣсни.

Невольникъ въ тягостныхъ цѣпяхъ
О волѣ милой помышляетъ,
Старикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;

Томимый жаждой, вспоминаетъ
О свѣтлыхъ, хладныхъ ручейкахъ.
А я чѣмъ сердце занимаю?
О щастливой любви мечтаю!

СОЛОВЕЙ, ГАЛКИ И ВОРОНЫ.

Басня.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семъ пѣвалъ любезный соловей.
Пришла опять весна: гдѣ другъ души моей?
Ахъ, нѣтъ его! За чѣмъ онъ скрылся? —
За чѣмъ? Въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронъ. Онѣ и день и ночь
Кричатъ, усталости не знаютъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно терзаютъ!

Что жь дѣлать соловью? — Летѣть подалѣ прочь!

*

Жестокіе врали и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами?

ПРОЩАНІЕ.

Ударилъ часъ — друзья простите!
Иду — куда, вы знать хотите?
Въ страну покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросите *тамъ*, для чего мы *здѣсь*,
друзья, живемъ!

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Прости, надежда! . . и навѣкъ! .
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать? обливаться
Рѣкою горькихъ, тщетныхъ слезъ?
Стенать во прахѣ и терзаться? ..
Что пользы? Рока и Небесъ
Не тронешь ты своей тоскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душою,
Спокоенъ вопреки всему.
Чего робѣть? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя отрада,
За всѣ несчастія награда —

Еще ты въ свѣтѣ не одинъ! —
Еще ты мiра гражданинъ! . .
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сiяетъ славой, красотою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ струитъ зерцало водъ,
И птички въ радостной свободѣ
Поютъ: *будь веселъ, улыбнись!*
Поютъ согласнымъ, нѣжнымъ хоромъ.
А ты стоишь съ унылымъ взоромъ,
Съ душею мрачной? . . . Ободрись,
И вспомни, что бывалъ ты прежде,
Какъ мудрымъ въ чувствахъ подражалъ,
Сократа сердцемъ обожалъ,
Съ Катономъ смерть любилъ, въ надеждѣ
Носить безсмертiя вѣнецъ.
Житейскихъ радостей конецъ
Да будетъ для тебя началомъ

Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый лютыхъ бѣдствій жа-
ломъ,
Забвенный въ темномъ шалашѣ
Всѣмъ свѣтомъ, ложными друзья-
ми,
Умѣй спокойными очами
На мiръ обманчивый взирать,
Нещастье съ щастьемъ презирать!

*

Я столько лѣтъ мечтой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался!..
Въ минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ тоской!

*

Такъ нѣкiй зодчiй, созидая
Огромный, велелѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя
О славѣ дѣла своего;
Но вдругъ огромный храмъ тря-
сется,

Падетъ . . . . упалъ , . . . и нѣтъ
его! . . .
Что жь бѣдный зодчій? онъ кля-
нется
Не строить впредь, безпечно
жить — —
А я кляпуся . . . не любить!

ПѢСНЯ.

НѣтЪ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васЪ, красавицы, забуду.
НѣтЪ, нѣтЪ! что прибыли любить?

*

ЛюбилЪ я рѣзвую ПлѢниру,
ЛюбилЪ веселую Темиру,
ЛюбилЪ и сердцемЪ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лилЪ рѣкой!

*

НѣтЪ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васЪ, красавицы, забуду.
НѣтЪ, нѣтЪ! что прибыли любить?

*

Мнѣ горы золота сулили;
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ наконецъ...
И что жъ? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другъ! сказали —
Онѣ смѣются! . . . я глупецъ!

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

*

Тотъ вѣкъ несчастливъ будетъ съ вами,
Кто любитъ прямо, не словами
Вамъ мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить насъ рабствомъ и цѣпями,
И только для тщеславья жить.

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

*

Ахъ! лучше по лѣсамъ скитаться,
Съ Лапландцами въ снѣгу валяться
И плавать въ лодкѣ по морямъ,
Чѣмъ быть плаксивымъ Селадономъ,
Твердить уем печальнымъ тономъ,
И ввѣкъ служить потѣхой вамъ!

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

ВРЕМЯ.

Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ томитъ;
Оно какъ тягостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежитъ.
Намъ, право, согласиться должно
Ему такимъ же зломъ платить,
И дѣлать все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубить.

КЪ МЕЛОДОРУ.

Въ отвѣтъ на его Пѣснь Любви.

Когда блѣднѣетъ все въ подлунномъ мрачномъ мірѣ,
И жертвы плаваютъ въ дымящейся крови (*),
Тогда, о МелодорЪ! на кроткой, нѣжной лирѣ
Играя, ты поешь о сладостяхъ любви?
Умолкни, милой другъ!.. Кто будетъ наслаждаться
Гармоніей твоей? кто ею восхищаться?..

(*) Тогда была война.

Но нѣтъ! играй и пой, любезнѣйшій Орфей!
Поетъ и въ страшный громъ на миртахъ соловей (*)!

(*) Сіи стихи писаны во время грому — и въ самую ту минуту пѣлъ соловей.

ХЛОЯ.

Пусть свѣтъ злословный утверждаетъ,
Что въ Хлоѣ постоянства нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!
Не правда: Хлоя обожаетъ
Всегда одинъ предметъ;
Его всему предпочитаетъ —
„Кого же? вѣрно не тебя?“
Ахъ, нѣтъ! . . себя!

ЛИЛЕЯ.

Я вижу тамъ лилею:
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать; —
Хочу — но рокъ меня съ лилеей
разлучаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зіяетъ!..
Тоска терзаетъ грудь мою;
Спою печально, слезы лью.

*

Взираю издали на нѣжную лилею —
Она сотворена быть, кажется, мою,
И тихой вѣтерокъ
Ко мнѣ склоняетъ стебелёкъ
Ея зеленой, изумрудной;

Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой
цвѣтокъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ . . .
но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: *она не для тебя!*
Увянетъ не съ твоей слезою;
Другой сорветъ ее холодною рукою,
А ты. . . смотри, терзай себя!

*

О Лиза! я съ тобою
Душей дѣлиться сотворенъ,
Но бездной разлученъ!

ГЕКТОРЪ и АНДРОМАХА.

Переводъ изъ шестой книги Иліады.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у воротъ городскихъ прощается съ Андромахою; подлѣ нее стоитъ кормилица, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эстампахъ.)

Безмолвствуя, Герой на милую взираетъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаетъ;
Тоска въ ея душѣ, унынїе и страхъ.
„О Гекторъ!“ — говоритъ печальная въ слезахъ —
„Ты хочешь умереть! оставить сироток

„Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою
„Ахъ! можно ль жить тому, кто жизни не щадитъ?
„Геройство, храбрый духъ тебя не защититъ.
„Враги безчисленны: тебѣ погибнуть должно! . . .
„О боги! естьли вамъ спасти его не можно,
„Пусть прежде я навѣкъ сомкну глаза свои!
„Въ печали, въ горести возникли дни мои;
„Въ печали, въ горести имъ должно и скончаться.
„Почто мнѣ въ свѣтѣ жить? кѣмъ буду утѣшаться?
„Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ лежатъ.
„Озлобленный Ахиллъ разрушилъ славный градъ,

„Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убійственной рукою
„Лишивъ меня отца, Ахиллъ почтилъ слезою
„Его пустынный гробъ, надъ коимъ царскій щитъ,
„Блестящее копье и шлемъ съ мечемъ виситъ;
„Гдѣ тлѣетъ прахъ его подъ тѣнью древъ священныхъ,
„Руками Ореадъ въ семъ мѣстѣ насажденныхъ.

*

„И братія мои въ невинности своей
„Погибли на зарѣ цвѣтущихъ, юныхъ дней.
„Зеленые луга ихъ кровью обагрились,
„Гдѣ съ агнцами они играя веселились.
„Смерть въ младости страшна!
Осталась мать моя;

„Но строгій, тяжкій плѣнъ былъ
жребіемъ ея.
„Когда же наконецъ въ отчизну
возвратилась,
„Отъ горести и слезъ въ мірѣ
тѣней преселилась.

*

„Но я не сирота, пока супругъ мой
живъ,
„И съ Гекторомъ судьбу мою со-
единивъ,
„Родителей, друзей и братій въ
немъ имѣю.
„Въ тебѣ они живутъ: ты смер-
тію своею
„Ихъ снова умертвишь. — Ахъ!
сжалься надо мной . . .
„Надъ бѣднымъ плачущимъ, без-
молвнымъ сиротой!
„Сей день ужасенъ мнѣ: останься,
Гекторъ, съ нами!

„Пусть воины твои сражаются съ
врагами;
„Но ты останься здѣсь, и городъ
защищай.
„Смотри, какъ вождь Атридъ,
какъ храбрый Менелай,
„Аяксъ, Идоменей, Ахейскіе Герои
„Стремятся дерзостно къ вратамъ
священной Трои:
„Будь стражемъ нашихъ стѣнъ;
супругу успокой!“

*

„Что скажутъ обо мнѣ (отвѣт-
ствуетъ Герой)
Фригійскіе сыны и дщери Иліона,
Когда укроюсь здѣсь? Не я ль за-
щитникъ трона
Родителей моихъ? — Кто съ са-
мыхъ юныхъ дней
Учился не робѣть сверкающихъ ме-
чей;

Кто въ битвахъ возмужалъ, и
дышетъ только славой,
Тому опасности всѣ должны быть
забавой.
Сіянье дѣлъ моихъ затмится ль
нынѣ вдругъ? . . .
Погибнетъ не въ стѣнахъ, но въ
полѣ пивой супругъ!

*

Увы! настанетъ день, предсказан-
ный Судьбою,
Настанетъ въ ужасѣ, и въ прахъ
низвергнетъ Трою!
Падетъ, разрушится священный
Иліонъ!
Падетъ, разрушится Пріамовъ
свѣтлый тронъ!
Падутъ его сыны! . . Фригійская
держава
Исчезнетъ какъ мечта — умолк-
нетъ наша слава! . .
Но что душѣ моей ужаснѣе всего?

Не гибель Фригіи и рода моего,
Не жалостная смерть родителей почтенныхъ,
И братій, въ юности цвѣтущей убіенныхъ,
Но участь слезная супруги моея...
Стенаніе, тоска неволи твоея
Въ отечествѣ враговъ!... Тамъ гордый побѣдитель,
Троянскихъ древнихъ стѣнъ свирѣпый сокрушитель,
Захочетъ при тебѣ сей подвигъ величать,
Чтобъ горестью твоей свой злобный духъ питать;
Велитъ тебѣ итти съ фіалою златою
На Гиперійскій ключь, за пѣнистой водою —
И мстительной народъ, твою печаль любя,
Съ коварной радостью тамъ спроситъ у тебя:

Супругу ль Гектора мы видимъ предъ собою?
Ты тяжко воздохнешь, и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою! . . . Но прежде боги мнѣ
Откроютъ путь во гробъ. Въ глубокомъ, вѣчномъ снѣ
Не буду зрѣть, что ты, любезная, страдаешь —
Пока твой Гекторъ живъ, печалей не узнаешь!"

*

Сказавъ сіе, Герой младенца хочетъ взять,
Чтобъ съ нѣжной ласкою прелестнаго обнять;
Но грозный шлемъ его младенца устрашаетъ:
Онъ плачетъ, и глаза рукою закрываетъ —

СЪ улыбкой Гекторъ зритъ на сына своего,
И черный, грозный шлемъ снимаетъ для него;
Беретъ любезнаго, цѣлуетъ съ восхищеньемъ,
И вверхъ его поднявъ, вѣщаетъ съ умиленьемъ:
„Премудрый Царь боговъ, всесильный богъ Зевесъ!
И вы, безсмертные властители небесъ!
Храните дни его! Подъ вашею защитой
Да будетъ онъ Герой, въ потомствѣ знаменитой;
Да будетъ Гекторомъ щастливѣйшихъ временъ. . . .
Украшенъ славою и храбрыми почтенъ,
Ужасенъ для враговъ, непобѣдимый воинъ!

Да скажутъ всѣ объ немъ : *сей сынъ отца достоинъ, безсмертенъ по дѣламъ и подвигамъ своимъ!* . . .
И сердце матери да радуется имъ!“ —

*

Сказавъ, любезнаго младенца ей вручаетъ.
Она беретъ его и къ сердцу прижимаетъ,
Покоитъ на груди, усмѣшкой веселитъ.
Но нѣжная слеза въ очахъ ея блеститъ;
Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ страха. —
Со вздохомъ Гекторъ ей вѣщаетъ:
„Андромаха!
„Ты плачешь? . . Ахъ! почто безвременно страдать?

„Не властенъ у меня врагъ злобный жизнь отнять,
„Доколѣ я хранимъ державными богами.
„Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесными Судьбами,
„И рано ль, поздно ли, скончается нашъ вѣкъ;
„Неустрашимый вождь и робкій человѣкъ —
„Со славой иль стыдомъ — низыдетъ въ гробъ безмолвно,
„Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, друзей . . . Но полно!
„Поди, любезная! и дома скорбь разсѣй
„Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, стукъ мечей
„Зоветъ меня на брань. Тому, кто всѣхъ славнѣе,
„Быть должно впереди, — быть тамъ, гдѣ врагъ сильнѣе.“

*

Герой въ послѣдній разъ на милую
воззрѣлъ,
Обтеръ ея слезу . . . и грозный
шлемъ надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повино-
ваться —
Идетъ въ свой тихій домъ сле-
зами обливаться —
Взираетъ издали на друга своего —
Взираетъ . . . . но уже вдали не
зритъ его!
Вздохнувъ, спѣшитъ она въ чер-
тогъ уединенный,
Древами мрачными печально осѣ-
ненный.
Тамъ въ горести своей желаетъ
умереть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ
смерть
Супруга своего; зритъ въ мысляхъ
предъ собою

Его кровавый трупъ, несомый тихо въ Трою
На Греческихъ щитахъ ... И солнце для нее
Утратило на вѣкъ сіянїе свое.

СОЛОВЕЙ.

Что въ рощѣ громко раздается
При свѣтѣ ясныя луны?
Что въ сердце, въ душу сладко льется
Среди ночныя тишины,
Когда безмолвствуетъ Природа,
И звѣзды голубаго свода
Сіяютъ въ зеркалѣ ручья?
Что въ грудь мою тоску вселяетъ
И духъ мой кротко восхищаетъ? ..
Гласъ нѣжный, милый соловья!

*

Пѣвецъ любезный, другъ Орфея!
Кому, кому хвалить тебя,
Лѣсовъ зеленыхъ Корифея?
Ты славишь громко самъ себя,
Натуру въ гимнахъ прославляя;

Свою любезнѣйшую мать,
И равнаго себѣ не зная,
Велишь ты зависти — молчать!

*

Ахъ! много въ рощѣ пѣсней слышно;
Но что онѣ передъ твоей?
Какъ фебъ златый, являясь пышно
На тверди, славою своей
Луну и звѣзды помрачаетъ,
Такъ пѣснь твоя уничтожаетъ
Гармонію другихъ пѣвцовъ.
Поетъ и жаворонокъ въ полѣ,
Вїясь подъ тѣнью облаковъ;
Поетъ пріятно и въ неволѣ
Любовь-малиновка (*) весной;
Веселой чижикъ, коноплянка,

(*) Любовь служитъ здѣсь прилагательнымъ къ малиновкѣ. По-Руски говорятъ: *Надежда-государь, радость-сестрица*. и проч. *Малиновка есть птица любви*, сказалъ Бюффонъ.

Малютка пѣночка, овсянка,
Щегленокъ, рѣдкій красотой,
Поютъ и нѣжно и согласно
И тѣшатъ слухъ; но все не то —
Ихъ пѣніе *одно* прекрасно:
въ сравненіи съ твоимъ — ничто!
Они *одно* плѣняютъ чувство,
А ты приводишь *всѣ* въ восторгъ;
Они суть Музы, ты ихъ богъ!

*

Какое чудное искусство!
Сперва какъ дальняя свирѣль
Пѣть тихо, нѣжно начинаешь,
И все къ вниманію склоняешь;
Сперва пріятный свистъ и трель —
По томъ, свой голосъ возвышая,
И чувство чувствомъ оживляя,
Стремишь ты пѣснь свою рѣкой:
Какъ волны мчатся за волной,
Легко, свободно, безъ преграды,
Такъ быстрыя твои *рулады*
Сливаются одна съ другой;

Гремишь ... и вдругъ ослабѣваешь;
Журчишь какъ томный ручейокъ;
Съ любезной кротостью вздыхаешь
Какъ нѣжный Майскій вѣтерокъ..
Изъ сердца каждый звукъ несется
И въ сердцѣ тихо отдается .....
Такъ страстный, щастливый супругъ,
(Любовникъ пылкой, вѣрный другъ)
Супругѣ милой изъясняетъ
Свою любовь, сердечный жаръ. —
Твой громкій голосъ удивляетъ —
Онъ есть Природы чудный даръ —
Но тихій, въ душу проницая
И чувства нѣжностью питая,
Еще любезнѣе сто разъ.

*

Пой, другъ мой! Восхищенъ тобою,
Подъ кровомъ ночи, въ тихій часъ,
Нещастный сладкою слезою
Мирится съ Небомъ и судьбой;
Невольникъ цѣпи забываетъ,

Свободу въ сердцѣ обрѣтаетъ, —
Находитъ сноснымъ жребій свой.

*

Лiющiй слезы надъ могилой,
(Гдѣ прахъ душѣ и сердцу милой
Лежитъ въ безмолвной тишинѣ,
Какъ въ сладкомъ и глубокомъ снѣ)
Тебѣ внимая, утѣшаетъ
Себя надеждой вѣчно жить,
И вѣчно милаго любить
Тамъ, тамъ, гдѣ щастье обитаетъ;
Гдѣ радость есть для чувствъ законъ;
Гдѣ вздохи сердцу неизвѣстны;
Гдѣ мой любезный Агатонъ
Какъ въ Маѣ гiацинтъ прелестный
Весной безсмертiя цвѣтетъ . . .
Меня къ себѣ съ улыбкой ждетъ!

*

Пой, другъ мой! Восхищенъ тобою,
Природой, красною весною,
И я забуду грусть свою.
Луговъ цвѣтущихъ ароматы
Цѣлятъ, питаютъ грудь мою.
Когда жь сынъ Феба, Миръ крылатый,
На землю спустится съ небесъ (*),—
Умолкнутъ громы, и народы
Отрутъ оливой токи слезъ:
Тогда, тогда, Орфей Природы,
Я въ гимнѣ сердце излію,
И миръ съ тобою воспою!

(*) Писано было во время войны.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

The gen'rous God, who wit and gold
refines (*),
And ripens ſpirits as he ripens mines,
To you gave ſenſe, good humour and...
a Poet. — *Pope.*

О вы, которыхъ мнѣ любезна
благосклонность,
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ
лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего до-
роже нѣтъ:
Спокойствіе и вольность!
Которыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза,
Законъ въ душѣ моей писали,

(*) То есть Фебъ или Аполлонъ.

И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый вѣперокъ перомъ
Тогда еще, какъ я гонялся
За пестрымъ мотылькомъ,
Считалъ себя богатырёмъ,
Когда на дерево взбирался
За пташкинымъ гнѣздомъ..
(И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной *Розѣ*,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодить; чтобъ Роза мнѣ была
Обязана своей забавой) ....
О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ разить (*),
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтенiе людей, отличность заслужить,

(*) Авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армiю.

Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ
вашими очами
Явившься и сказать: „для васъ,
для васъ и вами!
„Возьмите лавръ, а мнѣ въ награ-
ду . . . поцѣлуй!“
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ доб-
ра не видя (*),
Въ чиновныхъ гордецахъ чины воз-
ненавидя,
Вложилъ свой мечь въ ножны („Ми-
нерва торжествуй,
Сказалъ я, безъ меня!“) . . . и,
вмѣсто острой шпаги,
Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернилицу съ перомъ,

(*) Всякой согласится, что война сама по себѣ не есть добро; но всякому извѣстно и то, что она бываетъ иногда необходима для пользы и безопасности государства.

Чтобъ быть писателемъ, творцомъ,
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей щастливыхъ и нещастныхъ,
То кроткихъ, то ужасныхъ;
Чтобъ вы могли сказать:
„Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
„Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
„Слова для тонкихъ чувствъ находитъ! „ —
О вы, въ которыхъ я привыкъ
Любить себя, Природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!
Я къ вамъ хочу писать посланіе стихами.

Дамъ волю сердцу: пусть оно
Съ своими милыми друзьями
Что хочетъ говоритъ!
Не нужно думать мнѣ: слова текутъ рѣкою
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.
Любовь стихи животворитъ,
И старому даетъ видъ новой.

*

Скажу вамъ, милыя — и чѣмъ
другимъ начать? —
Что вы родитесь свѣтъ моральный украшать,
Который бы безъ васъ въ угрюмости суровой
Былъ самой *мрачной свѣтъ*.
Нещастный *Мизогинъ* (*) въ Сибири ввѣкъ живетъ:

(*) То есть, *ненавистникъ женскаго пола.*

Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величïи сïяетъ —
Душа его отъ хлада умираетъ.
Къ сердцамъ и къ щастïю Судьбой
вамъ отданъ ключь;
У васъ въ очахъ блеститъ небесный, тихïй лучь,
Который показать намъ долженъ
путь къ блаженству,
Добру и совершенству;
Другимъ путемъ къ тому вовѣки
не дойдемъ.
Три страсти правятъ свѣтомъ:
Одна имѣетъ *честь* предметомъ,
Другая *золото*, а третьею живемъ
Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ!
первая доводитъ
Людей до страшныхъ бѣдъ, злодѣевъ производитъ,

Жестокихъ, мрачныхъ Силлъ
И яростныхъ Аттилъ.
Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь
градъ въ огнѣ пылаетъ —
На что? . . . . Герой (*) желаетъ
Сказать: „*я побѣдилъ*,
„И честь безсмертія геройствомъ
заслужилъ!“
Но дни побѣдами считая,
Пусть скажетъ, много ли минутъ
блаженныхъ счелъ
Онъ въ жизни для себя? и лавромъ
осѣняя

(*) То есть ложной Герой, Аттила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего отечества. — Здѣсь Авторъ представляетъ *честолюбіе* только съ дурной стороны; о хорошей — молчитъ.

Надменное чело, не часто ли хотѣлъ
Укрыться въ сѣнь лѣсовъ, чтобъ жертвъ, его рукою
Сраженныхъ, не видать,
Ихъ вопля не слыхать?
Путь славы не ведетъ къ сердечному покою;
Мы зримъ на немъ довольно розъ,
Но больше терній, больше слёзъ.
Ахъ! щастье любитъ миръ, отъ шума убѣгаетъ:
Таковъ Небесъ уставъ!

*

Кто жъ въ златѣ душу полагаетъ,
Тотъ, всѣ сокровища собравъ,
Еще души не обрѣтаетъ
Ни въ златѣ, ни . . . въ самомъ себѣ!

Всегда какъ червь ползетъ во прахѣ;
Всегда живетъ въ ужасномъ страхѣ,
Чтобъ вдругъ не вздумалось Судьбѣ
Лишить его сокровищъ милыхъ;
Таится какъ сова въ тѣни ночей унылыхъ,
Бояся, чтобы Фебъ его не освѣтилъ
И золота въ мѣшкахъ лучемъ не растопилъ.
Трепещетъ листъ, и сердце въ немъ трепещетъ . . .
„Конечно воръ ко мнѣ идетъ!“ . . .
Гдѣ искра въ воздухѣ сверкнетъ,
Тамъ, кажется ему, кинжалъ убійцы блещетъ —
И сей безумной человѣкъ
Съ тоскою на часахъ проводитъ весь свой вѣкъ.

*

Но кто плѣнится вами,
Любезныя мои, какъ милъ бываетъ міръ,
Какъ мѣженъ сердцемъ, добрѣ дѣлами!
Природа для него есть зрѣлище красотъ.
Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ,
намъ безвѣстныхъ, —
Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
Онъ рай нашелъ въ глазахъ прелестныхъ
Любовницы своей; и тѣхъ священныхъ мѣстъ,
Гдѣ милая гуляетъ,
Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ помышляетъ,
Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
Онъ умеръ — для суетъ житейскихъ;

Живетъ — лишь для любви, и
зритъ любовь одну
Во всемъ твореніи обширномъ;
Бѣжитъ отъ скуки городской,
Чтобъ въ сельскомъ кровѣ
мирномъ
Питать въ груди своей чувстви-
тельность, покой.
Гдѣ тихо-горлицы воркуютъ,
Другъ друга съ нѣжностью
милуютъ,
И гнѣздышко себѣ на юныхъ мир-
тахъ вьютъ;
Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
Гдѣ всѣ богатства Флоры
Сіяютъ на лугахъ,
Какъ пурпуръ, золото Авроры
Въ часъ утренній блестятъ на
тонкихъ облакахъ:
Тамъ онъ, подъ сѣнью древъ
душистыхъ,
Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ
серебристыхъ,

Съ любезною своей въ восторгахъ дни ведетъ,
И только лишь отъ нѣжныхъ чувствъ вздыхаетъ,
И только лишь отъ щастья слезы льетъ.
Вкушая радости, онъ радость сообщаетъ
Всему вокругъ себя: приближится ль къ нему
Печальный во слезахъ? онъ слезы осушаетъ —
Убогой ли придетъ? онъ все даетъ ему,
Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣстѣ наслаждался,
Любился, восхищался....
Велите мнѣ избрать подсолнечной царя:
Кого я изберу, усердіемъ горя
Ко щастію людей? Того, кто всѣхъ нѣжнѣе,

Того, кто всѣхъ страстнѣе
Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ
бы щастливъ былъ!
Ахъ! самой лютой воинъ,
Который ввѣкъ на ратномъ полѣ
жилъ,
(И *жизни* былъ едваль до-
стоинъ!)
Смягчается душей, восчувствовавъ
любовь;
Услышавъ имя той, которою пы-
лаетъ,
Щадитъ враговъ сраженныхъ
кровь,
И мечь подъятый . . . опу-
скаетъ.
Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой
угодить,
Пріятный взоръ ея, улыбку за-
служить,
Бываетъ сирыхъ другъ и ни-
щихъ благодѣтель.

*

Вотъ дѣйствїе любви — вотъ ваша добродѣтель!
Пусть строгїй мужъ Зенонъ въ угрюмости своей
Кричитъ, что должно жить намъ въ свѣтѣ безъ страстей,
Людьми лишь называться,
Но камнемъ въ сердцѣ быть:
Ученїю сему въ архивахъ оставаться,
Въ сердцахъ во вѣки не входить;
Природа, истина его не освятили
Печатїю своей. Сей разумъ, коимъ насъ
Судьбы благїя одарили,
О коемъ мудрецы твердятъ намъ всякой часъ,
Не есть ли тщетный даръ безъ склонностей сердечныхъ?
Онѣ-то движутъ насъ; безъ нихъ и умъ молчитъ.

Погибель ждетъ пловцевъ безпечныхъ,
Когда ихъ кормщикъ въ бурю спитъ;
Но кормщику не можно
Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь править должно
Кормиломъ жизни сей:
Насъ по морю несетъ шумящій вѣтръ страстей . . .
Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зефиромъ,
Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Къ щастливой пристани, гдѣ съ миромъ
Насъ Геній тихой смерти ждетъ!

*

„Но часто страсть любви насъ къ горестямъ ведетъ.“

Не часто, — иногда: такъ тихая лампада,
Во тьмѣ для мудраго отрада,
Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мотыльковъ:
Уже ли для того во мракѣ вечеровъ
Сидѣть намъ безъ огня? О бабочкѣ вздыхаю,
Но свѣчку снова зажигаю.
Злощастный Вертеръ не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю . . .
Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ олтарей, гдѣ милый Купидонъ
И скромный Гименей навѣкъ соединяютъ
Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

*

Но за одну ли страсть достойны
вы вѣнца?
Вамъ юная душа поручена Судьбою;
Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милыя, себя въ науку отдаетъ;
Съ улыбкой, чувствомъ оживленной,
Отъ васъ онъ первыхъ мыслей ждетъ.
Сей цвѣтъ одушевленный
Лишь вашею рукой быть можетъ возращенъ,
Отъ хлада, бури сохраненъ.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣтаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучь кротости впиваетъ,
И зрѣетъ нѣжною душей.

*

Ахъ! я не зналъ тебя! . . . ты,
давъ мнѣ жизнь, сокрылась!

Среди весенних ясных дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ
былъ Судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ
быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи
цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой
земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный,
милый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней со-
единенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ
въ наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой

Хранила ты мое безпечное дѣтство;
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю!..

*

Простите мнѣ, что я о мертвой вспомянулъ,
И съ горестью вздохнулъ!

*

Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ нѣжнымъ криномъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ ясминомъ,
И тысячи цвѣтовъ
Пестрѣютъ на брегу кристальныхъ ручейковъ,

Не знаешь, что хвалить, надъ
чѣмъ остановиться,
На что смотрѣть, чему ди-
виться:
Такъ я теряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ. — Хва-
лить ли въ васъ то чувство,
Которымъ истину находите въ
вещахъ (*)
Скорѣе всѣхъ мущинъ? Намъ на-
добно искусство,
Трудиться разумомъ, работать,
размышлять,
Чтобъ истину сыскать;
Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ
вертепахъ темныхъ

(*) Я нѣсколько разъ имѣлъ слу-
чай удивляться *острому поня-
тію* женщинъ, которое Ла-
теръ называетъ *чувствомъ ис-
тины*. Мущина десять разъ пе-
ремѣняетъ мысли свои; женщи-
на остается при *первомъ чув-
ствѣ*, — и рѣдко обманывается.

И въ кладезяхъ подземныхъ:
Для васъ же птичкою летаетъ на лугахъ;
Махнете ей, — и вдругъ она у васъ въ рукахъ . . . . .
Скажите, отъ чего мудрецъ Сократъ милѣе
Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? ученіе его
Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, сильнѣе
Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю — отъ того,
Что Граціи онъ любилъ, съ Аспазіей былъ друженъ.
Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
Чтобъ *умъ* людей плѣнить, подобно какъ *сердца*
Умѣете плѣнять. Любезность мудреца

Должна быть истинѣ приправой;
Иначе скученъ намъ и самый разумъ здравой —
Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.

*

Хвалить ли въ васъ тотъ жаръ,
Съ которымъ вы всегда добро творить готовы?
Вамъ милы бѣдныхъ кровы;
Для васъ они священный храмъ,
Гдѣ добродѣтели небесной
Рукою вашею прелестной
Куриться онмїамъ!
У васъ учиться должно намъ,
Какъ ближнему служить. Я видѣлъ женъ прекрасныхъ,
Которыхъ юный вѣкъ тому лишь посвященъ,

Чтобъ муки утолять несчастныхъ (*);
Всечасно взоръ ихъ устремленъ
На то, что душу возмущаетъ:
На скорбь, страданїе и смерть!
Съ какою кротостью ихъ голосъ увѣщаетъ
Болящихъ не роптать на Бога, но терпѣть!
Колѣна преклонивъ, одна у Неба проситъ
Имъ здравїя, или . . . спокойнаго конца;
Другая питїе цѣлебное разноситъ,
И ласкою живитъ тоскующихъ сердца.

(*) Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, Soeurs grises, которыхъ нѣжному человѣколюбїю удивлялся я въ Лїонскихъ больницахъ.

Своею красотою
Могли бъ онѣ Царей плѣнять;
Но имъ милѣе быть съ болѣзнью, нищетою,
Чтобъ бремя ихъ сколь можно облегчать!
Я былъ тому свидѣтель,
И слезной, пламенной рѣкой
Излилъ восторгъ души. — Ахъ! благость, добродѣтель
Священнѣе всего являютъ образъ свой
Въ лицѣ красавицы любезной!

*

Хвалить ли васъ, друзья мои, за даръ прелестной
Мущинъ развеселять
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлать намъ? Другъ друга усыплять

Холоднымъ, скучнымъ разговоромъ!
Явитесь въ обществѣ съ усмѣшкой на устахъ,
И вдругъ во всѣхъ очахъ
Веселья лучь сверкнетъ; нашъ разумъ оживится;
Чтобъ милымъ полюбиться,
Мущина самъ бываетъ милъ..

*

Но ктобъ исчислилъ все, чѣмъ свѣту вы полезны,
Чѣмъ сердцу вы любезны,
Тотъ Эйлеръ бы другой въ *наукѣ числить* былъ.
Довольно, что вы насъ во всемъ,
во всемъ добрѣе,
Почти во всемъ умнѣе,
И будете всегда намъ въ нѣжности примѣръ.

Пусть васъ злословитъ —
лицемѣръ,
Которой для того красавицъ порицаетъ,
Что средства нравиться красавицамъ не знаетъ!
Скажите, что *любезенъ* онъ —
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ . . . Селадонъ!

*

Положимъ, что найти въ васъ слабости возможно;
Но развѣ онъ того луна ужъ не свѣтла,
Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ! она мила,
И кроткой свѣтъ ея Поэтамъ славить должно.
Луна есть образъ вашъ: ея сребристый лучь
Тьму ночи озаряетъ,

А прелесть ваша намъ отраду въ
грудь вливаетъ
Среди печальныхъ жизни шучъ.

*

Гдѣ только люди просвѣтились,
Жить, мыслить научились,
Мущины обожаютъ васъ.
Гдѣ разумъ, чувство въ усыпленьи;
Гдѣ смертныхъ родъ во тьмѣ невѣжества погрязъ;
Гдѣ санъ, права людей въ презрѣньи,
Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба
Насилствъ, предразсужденій!
Когда всемощная Судьба
Въ тебѣ разсѣетъ мракъ нещастныхъ заблужденій

И нѣжный полъ онъ узъ освободитъ?
Когда познаешь ты пріятность вольной страсти?
Когда въ тебѣ любовь сердца соединитъ,
Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?
Когда не гнусной стражъ, не крѣпость мрачныхъ стѣнъ,
Но вѣрность красотѣ хранительницей будетъ;
Когда въ любви тиранъ-мущина позабудетъ,
Что больше женщины онъ силой надѣленъ?
Когда? когда? ... Но се Дщерь Неба, Другъ Судьбины,
Воззрѣла на тебя — орлы ЕКАТЕРИНЫ
Уже къ твоимъ странамъ летятъ,

И человѣчества любезной половинѣ
Тамъ вольность возвѣстятъ! . . .
Хоръ женщинъ загремитъ: *хвала и честь Богинѣ!*

*

Цвѣти, о нѣжный полъ! и сыпь на насъ цвѣты!
Исчезли для меня прелестныя мечты —
Уже я не могу плѣнять васъ красотою,
Ни юностью своей: весна моя прошла;
Зрю осень предъ собою,
А осень, говорятъ, скучна и не мила!
Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ отрадой,
И сладкою наградой
За то, что въ жизни я ошъ злыхъ мущинъ терплю;

Но все, но все еще люблю
Въ Апрѣлѣ рвать фіялки съ вами,
Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни надъ ручейками,
Въ печальномъ Октябрѣ грустить и тосковать,
Зимой передъ огнемъ романы сочинять,
Васъ тѣшить и стращать!
Сказавъ любви: *прости*! я дружбою святою
Живу и жить хочу. Мнѣ рѣзвой Купидонъ
Отставку подписалъ — любовникъ съ сѣдиною
Не можетъ щастливъ быть: таковъ Судьбы законъ —
Но истинныхъ друзей я въ васъ же обрѣтаю.
Нанина! десять лѣтъ тотъ день благословляю,

Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ
въ первой разъ;
Гармонїя сердецъ соединила насъ
Въ единый мигъ навѣкъ. Что былъ
я? сиротою
Въ пространномъ мїрѣ семъ; ску-
чалъ самимъ собою,
Печальнымъ бытїемъ. Никто меня
не зналъ,
Никто участїя въ судьбѣ моей не
бралъ.
Чувствительность въ груди
питая,
Въ сердцахъ у всѣхъ людей я ка-
мень находилъ.
Среди цвѣтущихъ дней душею
увядая,
Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ
жилъ.
Ты дружбой, искренностью
милой
Утѣшила мой духъ унылой;

Святой любовію своей
Во мнѣ цвѣтъ жизни обновила,
И въ горестной душѣ моей
Источникъ радостей открыла.
Теперь, когда я заслужилъ
Улыбку Грацій, Музъ прелестныхъ,
И гордой свѣтъ меня улыбкою почтилъ;
Не мало слышу я привѣтствій,
сердцу лестныхъ,
Отъ добрыхъ, нѣжныхъ душъ. Славнѣйшіе творцы,
Платоновы друзья, безсмертные
Пѣвцы (*),

(*) Напримѣръ, великой Клопштокъ, котораго я никогда не видалъ, и никогда не безпокоилъ письмами, увѣряетъ меня въ своей благосклонности, и хочетъ, чтобы я непремѣнно прислалъ къ нему всѣ мои бездѣлки. Признаюсь въ слабости: это меня очень обрадовало!

Меня въ любви своей, въ пріязни
увѣряютъ,
И слабый мой талантъ къ успѣ-
хамъ ободряютъ.
Но знай, о милый другъ! что
дружбою твоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,
И хижину съ тобою,
Безвѣстность, нищету,
Чертогамъ золотымъ и славѣ пред-
почту.
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? *Онъ*
любилъ:
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ
другомъ былъ!

ГРАФЪ ГВАРИНОСЪ.

Древняя Гишпанская Историческая пѣсня.

Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ Рыцарей своихъ.

*

И ГвариносЪ былъ поиманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.

*

Семь разъ жеребей бросаютъ
О Гвариносѣ Цари;
Семь разъ сряду достаются
Марлотесу онъ на часть.

*

Марлотесу онъ дороже
Всей Аравіи большой.
„Ты послушай, что я молвлю,
„О Гвариносъ!“ онъ сказалъ.

*

„Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру пріими!
Все возьми, что ты захочешь,
Что приглянется тебѣ.

*

„Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу отдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую такъ возьми,

*

„Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью отдамъ.“

*

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлотесу онъ сказалъ:

„Сохрани Господь небесный
И Марія, мать Его,

*

„Чтобъ Гвариносъ, Христіянинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣста
Дорогая ждетъ меня!“

*

Марлотесъ, пришедши въ ярость,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
„Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечестиваго раба;

*

„И въ темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гніетъ тамъ понемногу,
И умретъ какъ бѣдный червь!

*

„Цѣпи тяжки, въ семь сотъ фунтовъ,
Возложите на него,
Отъ плеча до самой шпоры —
Страшенъ въ гнѣвѣ Марлотесъ!

*

„А когда настанетъ праздникъ,
Пасха, Святки, Духовъ день,
Вкровь его тогда сѣките
Предъ глазами всѣхъ людей.“

*

Дни проходятъ, дни приходятъ,
И насталъ Ивановъ день;
Христіяне и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.

*

Христіяне сыплютъ галгантъ (*);
Мирты мечетъ всякой Мавръ (**).
Въ честь празднику заводитъ
Разны игры Марлотесъ.

*

Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попасть въ нее копьемъ.

(*) Индѣйское растѣніе.
(**) Въ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали улицы галгантомъ и миртами.

Копья всѣ свои бросаютъ,
Всѣ Арабы мѣтятъ въ цѣль.

*

Ахъ напрасно! нѣтъ удачи!
Цѣль для слабыхъ высока!
Марлотесъ велѣлъ во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявить:

*

„Дѣтямъ груди не сосати,
А большимъ ни пить, ни ѣсть,
Естьли цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибетъ!“

*

И Гвариносъ шумъ услышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.
„Мать Святая, чиста Дѣва!
Что за день такой пришелъ?

*

„Не Король ли нынѣ вздумалъ
Выдать замужъ дочь свою?
Не меня ли сѣчь жестоко
Часъ презлой теперь насталъ?“

*

Стражъ темничный то подслушалъ
„О Гвариносъ! свадьбы нѣтъ;
Нынѣ сѣчь тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ.

*

„Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ торжествѣ.
Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлотесъ поставилъ цѣль.

*

„Всѣ Арабы копья мечутъ,
Но не могутъ въ цѣль попасть;
По чему Король во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявилъ:

*

„Пить и ѣсть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ.“
Тутъ Гвариносъ встрепенулся;
Слово молвилъ онъ сіе:

*

„Дайте мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;

Дайте мнѣ копье булатно,
Коимъ я враговъ разилъ.

*

„Цѣль тотчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Естьли жь я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ.“

*

„Какъ! на то тюремщикъ молвилъ:
Ты семь лѣтъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
Гдѣ другіе больше года
Не могли никакъ прожить;

*

„И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цѣль? —
Я пойду сказать Инфанту,
Что теперь ты говорилъ.“

*

Скоро, скоро поспѣшаетъ
Стражъ темничный къ Королю;
Приближается къ Инфанту,
И приноситъ вѣсть ему:

*

„Знай, Гвариносъ Христіянинъ,
Что въ тюрьмѣ семь лѣтъ сидитъ,
Хочетъ цѣль сшибить на землю,
Естьли дашь ему коня.“

*

Марлотесъ, сіе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
Могъ еще конемъ владѣть.

*

Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.

*

„Ну ступай!“ сказалъ съ насмѣшкой
Марлотесъ, Арабской Царь:
„Покажи намъ храбрый воинъ,
Сколь сильна рука твоя!“

*

Такъ какъ буря разъяренна,
Къ цѣли мчится сей Герой;

Мечетъ онъ копье булатно —
На землѣ вдругъ цѣль лежитъ.

*

Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копья всѣ въ него;
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сѣчетъ.

*

Солнца свѣтъ почти затмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.

*

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи достигъ,
Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА УМИРАЮЩАГО.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ,
И Богу сердце возвращаю.

ЛЮБОВЬ и ДРУЖБА.

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

ПЕЧАЛЬ и РАДОСТЬ.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна:
Надежда съ первою, съ другой *боязнь* дана.

СТРАСТИ и БЕЗСТРАСТІЕ.

Какъ бѣденъ человѣкъ! намъ страсти горе, мука;
Безъ страсти жизнь не жизнь, а скука;
Люби, и слезы проливай;
Покоенъ будь, и ввѣкъ зѣвай!

СПОРЩИКЪ.

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

ЛЮБОВЬ КО ВРАГАМЪ.

„Взгляните на меня: я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелетъ, едва таскаю ноги;
Смотрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, теперь я Иръ убогій.“ —
Какой же адской Духъ съ тобою такъ сшутилъ? —
„Красавицы: увы! я страстно ихъ любилъ!“ —
За что жъ, когда онѣ тебѣ врагами были? —
„Насъ учатъ, чтобы мы враговъ своихъ любили!“

КЪ НЕВѢРНОЙ.

Разсудокъ говоритъ: „все въ мірѣ есть мечта!“
Увы! нещастливъ тотъ, кому и
сердце скажетъ:
„Все въ мірѣ есть мечта!“
Кому жестокій рокъ то опытомъ
докажетъ.
Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ни-
чего:
Онъ ищетъ лишь . . . моги-
лы! . . .
Я слышалъ страшный гласъ, гласъ
сердца моего,

И съ прелестью души, съ надеждою простился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

*

Когда любви твоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могу ль себя любить? . . .
Кто въ жизни испыталъ всю сладость нѣжной страсти,
И нравился тебѣ, тотъ . . . жилъ, и долго жилъ;
Мнѣ должно умереть: такъ рокъ опредѣлилъ.
Ахъ! естьлибъ было въ нашей власти
Вовѣки пламенно любить,
Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,
Никтобъ не захотѣлъ разстаться съ здѣшнимъ свѣтомъ;
Тогда бы человѣкъ былъ зависти предметомъ

Для жителей небесъ. — Упреками тебѣ
Скучать я не хочу: упреки безполезны;
Насильно никогда не можемъ быть любезны.
Любви покорно все, любовь . . . одной Судьбѣ.
Когда отъ сердца сердце удалится,
Напрасно звать его: оно не возвратится.
Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,
Въ пустынѣ мертвой, на пескахъ,
Пріятности луговъ, долинъ воображаетъ,
Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:
„Тамъ пѣли соловьи, тамъ миртъ душистый цвѣлъ!“
Сей мыслію себя страдалецъ лишь терзаетъ,
Но всѣ несчастные о щастьи говорятъ:

Имъ участь . . . вспоминать, щастливцу . . . наслаждаться;
Я также вспомню рай, питая въ сердцѣ адъ.

*

Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
Армиды Тассовы, Лаисы нашихъ дней
Улыбкою любви меня къ себѣ манили,
И сердце юноши быть вѣтренымъ учили;
Но я влюблялся не любя.

Когда жь узналъ тебя;
Когда дрожащими руками
Обнявъ другъ друга, все забывъ —
Двумя горящими сердцами
Союзъ священный заключивъ —
Мы небо на землѣ вкусили
И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:
Тогда, тогда любовь я въ первый разъ узналъ!
Ея восторгомъ изнуренной,
Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,
Прелестнѣйшей, блаженной!..
Но рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;
За щастье должно намъ нещастїемъ платить.

*

Какая смертная какъ ты была любима,
Какъ ты боготворима?

Какая смертная была
И столь любезна, столь мила?
Любовь въ тебѣ пылала,
И подлѣ сердца моего
Любовь, любовь въ твоемъ такъ сильно трепетала!
Съ небесной сладостью дыханья твоего
Она лилась мнѣ въ грудь. Что слово, то блаженство;
Что взоръ, то новый даръ. Я цѣлой свѣтъ забылъ,
Природу и друзей: Природы совершенство,
Друзей, себя, Творца въ тебѣ одной любилъ.
Единый часъ разлуки
Былъ сердцу моему несноснымъ годомъ муки;
Прощаяся съ тобой,
Прощался я съ самимъ собой...
И съ чувствомъ обновленнымъ

КЪ тебѣ въ объятія спѣшилъ;
Въ душевной радости рѣкою слезы
лилъ;
Въ блаженствѣ трепеталъ . . . не
смертнымъ, богомъ былъ! . .
И прахъ у ногъ твоихъ казался
мнѣ священнымъ!
Я землю цѣловалъ,
На кою ты ступала;
Какъ Нектаръ воздухъ пилъ, ко-
торымъ ты дышала . .
Увы! онъ щастья здѣсь никто не
умиралъ,
Когда не умеръ я! . . . Оставить
міръ холодный,
Который врагъ чувствительнымъ душамъ;
Обнявшись перейти въ другой,
гдѣ мы свободны
Жить съ тѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуетъ любовь безъ всѣхъ
предразсужденій,

Безъ всѣхъ нещастныхъ заблужденій;
Гдѣ Богъ улыбкой вспрѣтитъ насъ . . .
Ахъ! сколько, сколько разъ
О томъ въ восторгѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали! . . .
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

*

Жестокая! . . . увы! могло ли подозрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной
Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!
Скорѣе насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣе извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!

Такъ думалъ я . . . и что жь? на
розѣ устъ небесныхъ,
На тайной красотѣ твоихъ гру-
дей прелестныхъ
Еще горѣлъ, пылалъ мой стра-
стный поцѣлуй,
Когда сказала ты другому: *тор-
жествуй*:
Люблю тебя! . . . Еще ты рукъ не
опускала,
Которыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужь былъ въ объ-
ятіяхъ твоихъ . . .
Иль въ сердцѣ . . . все одно! Безъ
тучи громъ ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи
чувствъ моихъ
Я вѣрить не хотѣлъ глазамъ сво-
имъ, нещастный!
И думалъ наяву, что вижу все во снѣ.
Сомнѣніе тогда блаженствомъ бы-
ло мнѣ —

Но ты, жестокая, холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла! . . .
Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не
принесла! . . .

*

Какъ можно разлюбить, что намъ
казалось мило,
Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ
наше сердце жило?
Однажды чувства истощивъ,
Гдѣ новыхъ взять для новой
страсти?
Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей
ли власти
Невѣрную забыть? Однажды по-
любивъ,
Я долженъ ввѣкъ любить; изчез-
ну обожая.

Тебѣ судьба иная;
Иное сердце у тебя —
Блаженствуй! — Самый гробъ мо-
ея не успокоитъ,

И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:
Я буду тамъ одинъ! Душа не умираетъ;
Душа моя и тамъ все будетъ тосковать
И тѣни милыя искать!

КЪ ВѢРНОЙ.

Ты мнѣ вѣрна! . . . тебя я снова
обнимаю! . . .
И сердце милое твое
Опять, опять *мое*!
Къ твоимъ ногамъ въ восторгѣ
упадаю . . .
Цѣлую ихъ! . . . Ты плачешь,
милой другъ! . . .
Сладчайшія слова: *души моей супругъ*,
Опять изъ устъ твоихъ я въ сердце принимаю! . . .
Ахъ! какъ благодаришь Творца! . . .
Все горе, всю тоску навѣкъ позабываю! . . .
. . . . . .

Ты блѣдность своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дерзаю
Оправдывать себя:
Заставя мучиться тебя,
Преступникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно
Несчастїе мое. И ты сама . . . простиш . . .
Воспоминанїе душѣ моей ужасно!..
Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа найти (*).
Теперь, теперь стыжусь, и впредь клянусь не вѣрить
Ни слуху, ни глазамъ;
Не вѣришь и твоимъ словамъ,
Когда бы ты сама хотѣла разувѣрить
Меня въ любви своей. На сердце укажу,

(*) Темно; можно только догадываться.

Взгляну съ улыбкою, и съ твердостью скажу:
„Оно, мой другъ, спокойно;
„Оно тебя достойно
„Надежностью своей.
„Испытывай меня!“ — Пусть прелестью твоей
Другїе такъ же заразятся!
Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — надежды *плодъ*!
Изъ нихъ пусть каждый щастья ждётъ;
Я буду щастьемъ наслаждаться.
Ихъ жребїй: *милую любить*;
Мой жребїй: *милой милымъ быть*!
Хотя при людяхъ намъ не льзя еще словами
Люблю другъ другу говорить;
Но страстными сердцами
Мы будемъ всякой мигъ *люблю*, *люблю* твердить —

(ДругимЪ языкЪ сей непонятенЪ,
Но голосЪ сердца сердцу внятенЪ) —
И взорЪ умильный то жь украдкой подтвердитЪ.
Снесу жестокость принужденья —
(Что дѣлать? такЪ Судьба велитЪ) —
Снесу въ блаженствѣ увѣренья,
Что ты моя въ душѣ своей.
АхЪ! истинная страсть питается собою;
Восторги чувствъ не нужны ей.
Я знаю, что меня съ тобою
Жестокій рокЪ готовЪ на долго разлучить;
Скажу тебѣ . . . прости! и долженЪ буду скрыть
Тоску въ груди моей! . . . Обильными слезами
Ее не облегчу въ присутствіи другихЪ;

И Ангела души дрожащими устами
Не буду цѣловать въ объятіяхъ своихъ!
Разстаться тяжело съ сердечной половиной!
Но . . . я *любимъ тобой*: сей мыслію единой
Унылой мракъ душевныхъ чувствъ моихъ
Какъ солнцемъ озаришся.
Разлука опытъ намъ:
Кто опыта страшится,
Тотъ вѣрно не любимъ, тотъ мало любитъ самъ;
Прямую страсть всегда разлука умножаетъ —
Такъ буря слабый огнь въ минуту погашаетъ,
Но больше силъ огню сильнѣйшему даетъ.
Когда души единственный предметъ

У насъ передъ глазами,
Мы знаемъ то одно, что весело
любить;
Но чтобъ узнать всю власть его
надъ нами —
Узнать, что безъ него душѣ не
можно жить . . .
Разстаньтеся съ нимъ! . . . Любовь
питается слезами,
Отъ горести растетъ;
И чувство, что не льзя преодолѣть намъ страсти,
Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.

*

Когда нибудь, о милый другъ!
Судьбы жестокія смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соединятся;
Любовникъ . . . будетъ твой супругъ!
Ахъ! станемъ жить; съ надеждой жизнь прекрасна;

Не намъ, тому она ужасна;
Кто любитъ лишь одинъ, не будучи любимъ. —
Изчезнутъ для меня съ опытїемъ твоимъ
Существенность и мїръ: въ одномъ воображеньи
Я буду находить ушѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединеньи,
Построю (*) *домикъ* для тебя,
Для насъ двоихъ надъ тихою рѣкою
Забвенія всего, но только не любви;
Скажу тебѣ: „въ семъ *домикѣ* живи
„Съ любовью, счастьемъ и со мною:
„Для прочаго умремъ. Прельщаяся тобою,

(*) Въ мысляхъ.

„Я прелести ни въ чемъ иномъ
не нахожу.
„Тебѣ всѣ чувства посвящаю:
„Взгляну ль на что, когда на милую гляжу?
„Услышу ль что нибудь, когда тебѣ внимаю?
„Душа моя полна: я въ ней тебя вмѣщаю!
„Пусть Богъ вселенную въ пустыню превратитъ;
„Пусть будемъ въ ней мы только двое!
„Любовь ее для насъ украситъ, оживитъ.
„Что сердцу надобно? найти, любить другое;
„А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность провести,
„И свѣту говорю: *прости*!“

*

Прелестный *домикъ* сей вдали
насъ ожидаетъ;
Теперь его Судьба завѣсой покры-
ваетъ,
Но онъ явится намъ: въ немъ
буду жить съ тобой,
Или мечту сію . . . возьму я въ
гробъ съ собой.

ДОЛИНА ІОСАФАТОВА;
или
Долина слокойствія.

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранится таинство сердецъ;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

*

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣстникъ, пѣпелъ,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;

*

Молчатъ и громы и Бореи,
Не слышенъ грозный ревъ звѣрей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не ставятъ нѣжности сѣтей;

*

Гдѣ хитрый богъ, любящій слёзы,
Не мечетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья, истины предѣлъ!

*

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

*

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
Хочу ступить на брегъ. . . но вдругъ
Съ отливомъ въ море удаляясь,
Бываю жертвой новыхъ мукъ.

*

Ужель во мрачности тумана
Мнѣ ввѣкъ игралищемъ служить
Шумящимъ вѣтрамъ океана,
Безъ цѣли по волнамъ кружить?

*

Довольно я терпѣлъ, крушился,
Гоняясь сердцемъ за мечтой;
Любилъ, надѣялся, страшился:
Ахъ! время мнѣ вкусить покой!

*

На вѣкъ въ груди угасни пламень!
Пусть въ ней живетъ единый хладъ!
Пусть сердце превратится въ камень!
Его чувствительность мнѣ ядъ.

*

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

ЭПИТАФІЯ.

Онъ жилъ въ семъ мірѣ для того,
Чтобъ жить — не зная, для чего.

СТИХИ

на день рожденія А. А. П — ой, 14 Октября.

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась — не весною —
Чтобъ сѣтующій міръ утѣшенъ былъ тобою.

ОТВѢТЪ

на стихи одной дѣвицы, въ которыхъ она клянется Хлоѣ, другу своему, любить ее пламенно и вѣчно, оставляя для Купидона только маленькой уголокъ въ сердцѣ.

На первой случай всѣмъ доволенъ
Купидонъ;
За тѣсной *уголокъ* спасибо скажетъ онъ
И въ немъ, какъ можетъ, помѣстится.
Но скоро уголокъ его распространится;
Любовь весь домъ займетъ,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не найдетъ.

IM-PROMPTU

Графинѣ Р * *, которой въ одной святошной игрѣ досталось быть Королевою.*

Напрасно говорятъ, что случай
есть слѣпецъ:
Сію минуту онъ вручилъ тебѣ
вѣнецъ,
Тебѣ рожденной быть Царицею
сердецъ.
Сей выборъ доказалъ, что случай
не слѣпецъ.

ТРІОЛЕТЪ АЛЕТѢ (*),

Въ тотъ день, какъ ей исполнилось 14 лѣтъ.

Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно:
Въ Апрѣлѣ розы нѣтъ!
Четырнадцати лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алетъ:
Ахъ! это имъ обидно.
Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно.

(*) Тріолетъ есть игрушка въ стихотвореніи. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ осьми стиховъ разной мѣры, и на двѣ риѳмы; чтобы четвертой стихъ былъ повтореніемъ перваго, а седьмой и осьмой повтореніемъ перваго и втораго.

ТРІОЛЕТЪ ЛИЗЕТѢ.

„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,“
Я прежде самъ себѣ сказалъ:
„Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;
„У момъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.“
Когда же злость ея узналъ . . .
„Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

IM-PROMPTU

Двумъ молодымъ дамамъ, которыя въ маскахъ подошли къ Автору, и хотѣли увѣрить его, что онъ ихъ не знаетъ.

Ничто, ничто сокрыть Любезныхъ
не могло!
На васъ и маска какъ стекло.
Прелестныя глаза Прелестныхъ
обличаютъ:
Подъ маскою они не менѣе сіяютъ.
Взглянулъ — и сердце мнѣ
Сказало: вотъ онѣ!

ДЕЛІИНЫ СЛОВА.

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;
Но нѣжность сердца моего
Останется со мною;
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжность полюбилъ!

НАДПИСЬ КЪ ДАМСКОЙ ТАБАКЕРКѢ,

на которой изображены мраморной столлъ и увядающій цвѣтокъ.

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весеннїй тлѣнно;
Любезное душѣ какъ мраморъ неизмѣнно.

НЕСКРОМНОЕ ЭХО.

Мнѣ часто эхо измѣняетъ.
Твержу: *Милены не люблю!*
Но эхо въ рощѣ отвѣчаетъ:
Люблю!

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЖЕСТОКОЙ.

Любезна всѣмъ сердцамъ любезная моя;
А ей любезенъ кто? . . не знаю, но — не я!

КЪ ЛѢСОЧКУ ПОЛИНЫ.

Тебя, лѣсочикъ, насадила
Полина собственной рукой;
Кому же посвятила? —
„Богинѣ прелестей.“ — И такъ себѣ самой.

ДАРОВАНІЯ.

Враги Парнасскихъ вдохновенїй,
Ума и всѣхъ его твореній!
Молчите, — скройтеся во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эѳирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу.
Отъ злобы адской трепещите:
Ихъ слава есть для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его кляните!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.

*

А вы, которымъ Фебъ прелестный
Льетъ въ душу огнь и свѣтъ небесный!

Приближьтесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаетъ.
Одна печать на насъ сіяетъ;
Мы служимъ богу одному.

Для васъ беру златую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнетъ пѣснь
моя. — —

*

Явися, древность, предо мною!
Дерзаю смѣлою рукою
Раскрыть священный твой по-
кровъ . . .
Что зрю? людей, во тьмѣ живу-
щихъ,
Какъ злакъ безчувственно расту-
щихъ
Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
Ихъ гласъ какъ страшный ревъ
звѣриный,
Ихъ мрачный взоръ свирѣпъ и
дикъ;
Отрада ихъ есть сонъ единый;
Имъ день несносенъ, дологъ мигъ.

*

Сей мїръ, обильный чудесами,
Какъ садъ усѣянный цвѣтами,
Зерцало мудраго Творца,
Для нихъ напрасно существуетъ,
Напрасно Бога образуетъ:
Подобны камню ихъ сердца.
Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
Природа вся для нихъ пуста.
Ихъ слухъ гармонїи не внемлетъ;
Безмолвны хладныя уста.

*

Они другъ друга убѣгаютъ,
Или другъ друга поражаютъ
За часть . . . изсохшаго плода.
Любовь для нихъ есть только звѣрство,
Ея желанїе — свирѣпство;
Взаимной страстью никогда
Сердца не таютъ, не пылаютъ;
Потребность, сила все рѣшитъ. . . .
Едва желанья изчезаютъ,
Предметъ объятїй позабытъ.

*

Таковъ былъ родъ людей нещастный . . .
Но вдругъ явился Фебъ прекрасный
Съ своею лирою златой,
Съ лучемъ небесныхъ дарованій . . .
И силой ихъ очарованій
Въ душахъ разсѣялъ мракъ густой:
Въ нихъ искры чувства воспылали!
Насталъ другой для смертныхъ вѣкъ;
Искусства въ мірѣ возсіяли:
Родился снова человѣкъ!

*

Возсталъ, воззрѣлъ — и вся Природа,
Отъ звѣздъ лазореваго свода
До нѣдръ земныхъ, морскихъ пучинъ,
Предъ нимъ въ изящности явилась;
Въ тайнѣйшихъ связяхъ обнажилась;
Рекла: „будь міра властелинъ!

„Мои богатства предъ тобою:
„Хвали Творца — будь самъ творецъ!“

И смертный гордою рукою
Изъ рукъ ея пріялъ вѣнецъ (*).

*

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
Во мракѣ бури и тумановъ
Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,
Съ сѣдыми, дикими хребтами
Главу возносятъ къ облакамъ;
Гдѣ кедры, дубы вѣковые
Отъ вихрей гнутся и скрыпятъ;

(*) Чувство *изящнаго* въ Природѣ развудило дикаго человѣка и произвело Искусства, которыя имѣли непосредственное вліяніе на общежитіе, на всѣ мудрые законы его, на просвѣщеніе и нравственность. Орфеи, Амфіоны были первыми учителями дикихъ людей.

Лѣса угрюмые, густые
То тихо дремлютъ, то шумятъ:

*

Тамъ Геній умственныхъ твореній
Нашелъ источникъ вдохновеній,
Нашелъ въ ужасномъ красоты,
Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
И Бога грознаго прославилъ.
Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты
Отъ солнечныхъ лучей пестрѣютъ,
Съ зеленой травкою сплетясь;
Кристальны ручейки свѣтлѣютъ,
Среди луговъ журча, вiясь;

*

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Армиды,
Порхаютъ рѣзвыя Сильфиды,
И птички хорами поютъ;
Плоды древесъ сiяютъ златомъ,
Зефиры вѣютъ ароматомъ,

СЪ прохладой сладость въ душу
льютъ:
Тамъ онъ Творца воображаетъ
Въ небесной благости Его,
И гласомъ тихимъ изливаетъ
Восторги сердца своего.

*

Разсудокъ, чувствомъ пробуж-
денный,
Открылъ порядокъ неизмѣнный
Во всѣхъ подлунныхъ существахъ,
Во всѣхъ явленіяхъ чудесныхъ,
Въ бездушныхъ тваряхъ и словес-
ныхъ,
Въ четырехъ года временахъ;
Въ ничтожномъ червячкѣ, въ
былинкѣ
Печать премудрости узрѣлъ;
Въ атомахъ мертвыхъ и въ пе-
счинкѣ
Слѣды величія нашелъ.

*

Чѣмъ глубже око проницало,
Тѣмъ болѣ сердце обрѣтало
Пріятныхъ чувствъ въ себѣ самомъ:
Любовь *моральная*, живая,
Любовь чистѣйшая, святая,
Мгновенно воспылала въ нѣмъ:
Надежда, нѣжный страхъ родились,
И взоръ сказалъ: *твоя навѣкъ* (*)!
Сердца и руки съединились —
Вкусилъ блаженство человѣкъ.

*

Отцы и дѣти обнялися (**);
Рѣкою слезы излилися

(*) Надежда и нѣжный страхъ суть дѣйствія благородной душевной любви, неизвѣстной дикимъ. *Языкъ взоровъ* есть также слѣдствіе утонченной нравственности.

(**) Происхожденіе моральной любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ — жалости, благотворенія, благодарности, дружбы.

О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;
Святыя жертвы воскурились
Благотворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ кротостью своей;
Твой милый гласъ и взоръ прелестный
Утѣшилъ лучшихъ изъ людей!

*

Въ лѣсахъ явились вертограды;
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ;
„Жить вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаться,
„Любить добро и зломъ гнушаться.“
Возсѣла *опытность* на тронъ,
Творить щастливыми народы,
Быть другомъ-Геніемъ земли;

И люди часть златой свободы
Порядку въ жертву принесли (*).

*

Ихъ прежде время угнетало:
Теперь оно крылатымъ стало —
Летитъ, и сыплетъ имъ цвѣты;
Его - - - *желанье* призываетъ,
Его - - - *надежда* озлащаетъ
И красятъ розою мечты.
Труды забава усладила;
Посредствомъ милыхъ Грацій,
Музъ,
пріятность съ *пользой* заключила
Навѣки дружескій союзъ.

*

И такъ хвала любимцамъ Феба!
Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!
Они творенія вѣнецъ;
Они міръ темный просвѣтили,
И въ садъ пустыню превратили;

(*) Начало общежитія, законовъ, Царской власти.

Они питаютъ огнь сердецъ,
Какъ жрицы древле-чтимой Весты
Питали въ храмахъ огнь святой;
Покровы Красоты отверсты
Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

*

Они безъ власти, безъ короны
Даютъ умомъ своимъ законы;
Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
Играютъ нѣжными душами,
Улыбкой, вздохами, слезами,
И чувство возвышаютъ въ насъ;
Любовь къ Изящному вливая,
Изящность сообщаютъ намъ;
Добро Искусствомъ украшая,
Велятъ его любить сердцамъ.

*

Такъ Фидій Кодра воскрешаетъ,
И въ юномъ воинѣ пылаетъ
Огонь великихъ, славныхъ дѣлъ:
Желанье подражать Герою.

Такъ кистью нѣжною, живою
Сбираетъ прелести Апеллъ
И пишетъ образъ Никофоры
Въ примѣръ Невинности святой,
Чтобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
Нашли въ немъ милый образъ свой.

*

Такъ голосъ, арфа Тимотеевъ
Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
И чувство въ хладный камень
льетъ.

Но кто, Поэзія святая,
Благаго Неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоетъ?
Ты всѣ Искусства замѣняешь;
Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ;
Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
Ты богъ чувствительныхъ сердецъ.

*

Натуры каждое явленье
И сердца каждое движенье
Есть кисти твоея предметъ;

Какъ въ свѣтломъ, явственномъ кристалѣ
Являешь ты въ своемъ зерцалѣ
Для глазъ другой прекрасной свѣтъ;
И часто прелесть въ подражаньи
Милѣе, чѣмъ въ Природѣ намъ:
Лѣсокъ, цвѣточикъ въ описаньи
Еще пріятнѣе очамъ (*).

*

Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлинникъ сличая,
Я мiръ сей (**) лучшимъ нахожу:

(*) Всѣ прелести изящныхъ Искусствъ суть ничто иное, какъ подражанiе Натурѣ; не копiя бываетъ иногда лучше оригинала — по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ всегда интереснѣе: мы имѣемъ удовольствiе сравнивать.

(**) То есть, мiръ физической, которой описывали Томсонъ и Сп. Ламберъ въ своихъ поэмахъ.

Тѣнь рощи для меня свѣжѣе,
Журчанье ручейка нѣжнѣе;
На все съ веселїемъ гляжу,
Что Клейстъ, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуетъ меня!

*

Картина нравственнаго свѣта
Еще важнѣе для Поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердце для глазъ изображаетъ
Живою кистїю своей:
Приливъ, отливъ желанїй страстныхъ,
Ихъ тѣни, пользу, сладкїй ядъ;
Рай свѣтлый, небо душъ прекрасныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

*

Кто милыхъ слезъ не проливаетъ,
Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
Когда любимецъ кроткихъ Музъ
Поетъ твое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,
Двухъ пламенныхъ сердецъ союзъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ златой въ себѣ,
Въ нещастьи, въ смерти неразлучныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?

*

„Для смертныхъ много бѣдъ ужасныхъ;
„На каждомъ шагѣ зримъ нещастныхъ;
„Но можно ль Небо порицать?
„Оно - - - *любить* не запретило!
„Чье сердце Нектаръ сей вкусило,
„Тотъ долженъ Бога прославлять,
„Сказавъ: *мы щастливы! мы чада*
„*Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!*

„Любви минута есть награда
„За годъ унынія и слезъ!“

*

Любовь Поэзіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячей, нѣжною душей;
Кто любитъ, тотъ стихи читаетъ,
Петраркомъ горе услаждаетъ
Въ разлукѣ съ милою своей.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ:
Онъ учитъ сердце говорить;
Въ молчаньи устъ запечатлѣнныхъ
Понятнымъ для другова быть —

*

Сколь всѣ черты краснорѣчивы
И краски Стихотворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей
На сценѣ намъ изображаетъ;

Когда Герой его вѣщаетъ:
„Утѣшься, другъ души мой!
„Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
„Клянешь ее, не хочешь жить;
„Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою:
„Еще ты можешь щастливъ быть!“

*

И мечь, тоскою изощренный,
Къ унылой груди устремленный,
Безъ крови изъ руки падетъ;
Нещастный съ жизнію мирится;
Онъ быть щастливымъ снова льстится,
И друга съ чувствомъ къ сердцу жметъ. —
Такъ жизнь была мнѣ мукой ада;
Такъ я глазами измѣрялъ
Пучину грознаго Левкада . . .
О Сафѣ страстной размышлялъ . . .

*

Хотѣлъ . . . но другъ несцѣненной
Своей любовію священной
Меня вѣсемъ мірѣ удержалъ. — —
Твой гласъ, Поэзія благая,
Героевъ добрыхъ прославляя,
Всегда число ихъ умножалъ.
Ты въ Спартахъ мужество пи-
таешь;
Въ груди къ отечеству любовь
Какъ огнь эѳирный развѣваешь;
Гремишь . .. пылаетъ славой кровь!

*

Гремишь: „Къ оружію, Спартане!
„Возстаньте, вѣрные граждане!
„Спѣшите: варваръ Персъ идетъ;
„Идетъ какъ тигръ съ отверз-
тымъ зѣвомъ,
„Идетъ какъ буря съ грознымъ
ревомъ,
„Оковы, стыдъ для васъ несетъ.
„Чтю жизнь противъ златой сво-
боды?

„Мы только славою живемъ.
„На васъ взираютъ всѣ народы:
„Побѣда или смерть!“ . . . . *Умремъ* —

*

Умремъ, или побѣда съ нами!
Взываютъ всѣ, звучатъ щитами,
Летятъ на брань, и врагъ сраженъ —
Изчезъ! — Тогда златая лира
Гласитъ покой, блаженство мира.
Любовью къ ближнимъ вдохновенъ,
Пѣвецъ описываетъ сладость
Нещастныхъ горе услаждать,
Души благотворящей радость:
„Блаженъ, кто можетъ помогать!

*

„Кто только для другихъ собираетъ,
„И день потерянымъ считаетъ,
„Въ который для себя лишь жилъ!“
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;

Себѣ и Небу обѣщаемъ
Быть тѣмъ, что гимнъ Пѣвца
хвалилъ:
Любить святую добродѣтель.
Ахъ! только надобно узнать,
Сколь щастливъ бѣдныхъ благо-
дѣтель,
Чтобъ имъ послѣднее отдать! —

*

Когда жъ съ сердечною слезою
Поэтъ дрожащею рукою
Снимаетъ съ слабостей покровъ,
Являя гибель заблужденій,
Ведущихъ къ безднѣ преступленій,
Змѣю подъ прелестью цвѣтовъ —
Я въ духѣ съ нимъ изнемогаю. . .
Ахъ! кто изъ насъ страстей не
рабъ?
Смотрю на небо и взываю:
„Спаси, спаси меня! я слабъ!“

*

Я слабъ, и слабаго прощаю,
Какъ брата къ сердцу прижимаю;
Суди другой: спѣшу помочь. — —
Что вижу? въ ужасѣ Природа!
Эѳиръ лазоревaго свода
Затмила въ день густая ночь;
Шумятъ лѣса, ярятся воды,
И... Зритель въ сердцѣ охладѣлъ;
Злодѣй на сценѣ, врагъ Природы;
Онъ въ ужасъ естество привелъ —

*

Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы;
Злодѣй, искавшій адской славы
Бичемъ невинныхъ — слабыхъ быть,
Слезами ихъ себя питая.
Напрасно Благость всесвятая
Его хотѣла просвѣтить,
И казнь безумца отлагала!
Онъ гласъ Ея пренебрегалъ.
„И такъ страдай!“ Она сказала,
И фурій адъ къ нему послалъ...

*

Глаза свирѣпыхъ засверкали ;
Злодѣю ужасы предстали :
Въ его власахъ шипятъ змѣи ;
При свѣтѣ факеловъ кинжалы (*)
Предъ нимъ блистаютъ какъ зер-
цалы :
Онъ видитъ въ нихъ дѣла свои!
Бѣжитъ — себя не избѣгаетъ :
Везде съ собой, вездѣ злодѣй !
Природа гнѣвная вѣщаетъ
Ему: „страдай: ты врагъ людей!“

*

Преступникъ, въ сердцѣ развра-
щенный,
Такою сценою устрашенный,
Спѣшитъ сокрыться отъ очей ;
Но Трагикъ въ слѣдъ ему взы-
ваетъ,
И эхо грозно повторяетъ :

(*) Извѣстно, что Фуріи изобра-
жаются съ факелами и съ кин-
жалами.

„Будь добръ — или страдай, злодѣй!“ —
Я взоръ печальный отвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметъ
Для сердца, чувства обрѣтаю:
Орфей безсмертіе поетъ. . . .

*

И стонъ нещастныхъ умолкаетъ,
И бѣдный слезы оираетъ . . .
„Что жизнь? единый быстрый лучь:
„Сверкнетъ, угаснетъ — мы хладѣемъ;
„Но съ тѣломъ въ гробѣ не истлѣемъ:
„Взойдетъ свѣтило дня безъ тучь
„Для насъ въ другомъ и лучшемъ мірѣ;
„Тамъ будетъ щастливъ, щастливъ ввѣкъ

„И Царь чувствительный въ порфирѣ,
„И нищій-добрый человѣкъ.

*

„Безсмертье, жизни сей отрада,
„За краткость дней ея награда!
„Твоя небесная печать
„У смертныхъ на челѣ сіяетъ!
„Кто чувствомъ вѣчность постигаетъ,
„Не можетъ съ мигомъ изчезать.
„Чей взоръ Природу обнимая,
„Открыть Творца въ твореньи могъ, —
„Тебя, Премудрость всесвятая!
„Тотъ самъ быть долженъ полубогъ.“

*

И вдругъ гласъ лирный возвышая,
Сильнѣе въ струны ударяя,
Поэтъ дерзаетъ заключить

Свой важный гимнъ хвалой священной
Причины первыя вселенной;
Дерзаетъ въ пѣсни возвѣстить,
Кого міры изображаютъ,
Кто есть Начало и Конецъ;
Кого уста не называютъ,
Но Кто всего, — Кто нашъ Отецъ;

*

Кто сводъ небесъ рукой Своею
Шатромъ раскинулъ надъ землею,
Какъ искру солнце воспалилъ,
Украсилъ ночь луной, звѣздами,
Усѣялъ шаръ земной цвѣтами,
Древа плодами озлатилъ;
Далъ силу львамъ неукротимымъ,
Далъ умъ пчелѣ и муравью,
Полетъ орламъ неутомимымъ;
И яркій голосъ соловью;

*

Но кто еще, еще живѣе,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ сердцахъ людей:
Въ весельи кроткомъ душъ правдивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ щастливыхъ,
Въ улыбкѣ нѣжныхъ матерей,
Въ стыдливомъ взорѣ дѣвъ священныхъ,
Въ чертахъ невинности младой
И старцевъ, жизнью утружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

*

Кто любитъ все Свое твореньe,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ (*) примѣчаетъ,

(*) Насѣкомыя, живущія только по-нѣскольку часовъ.

Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служить есть — быть щастливымъ,
Кого гнѣвить — себя терзать,
Любить есть — быть добролюбивымъ
И ближнихъ братьями считать;

*

Кто насъ за гробомъ ожидаетъ,
И тамъ предъ нами оправдаетъ
Всѣ темные пути Свои;
Покажетъ ясно . . . Умолкаю,
И съ теплой вѣрою взываю:
„Отецъ! добро дѣла Твои!“ —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будутъ пѣты,
Вовѣки новы для сердецъ! —

*

А вы, питомцы Музъ священныхъ,
Въ своихъ твореніяхъ нетлѣнныхъ
Вкушайте вѣчности залогъ!
Прекрасно жить въ вѣкахъ позднѣйшихъ
И быть любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
Кто лирой тронуть сердце могъ,
Тотъ въ храмъ безсмертія стезею
Хвалы сердечныя войдетъ;
Потомство сладкою слезою
Ему дань чести принесетъ.

*

Вездѣ, во всѣхъ странахъ вы чтимы,
Душами добрыми любимы.
Вражда невѣжды и глупца
Блескъ вашей славы умножаетъ;
Ядъ черной зависти терзаетъ
Ихъ злыя, хладныя сердца.

Таланты суть для васъ богатство;
Другимъ оставьте прахъ златой:
Святое Фебово собратство
Сіяетъ чувства красотой.

*

Сей идолъ въ капищѣ богатомъ,
Сей огнь сверкающій надъ блатомъ
Меня красою не прельститъ;
Вы, вы краса, корона свѣта;
Вы солнце въ мірѣ, не планета,
Въ которой чуждый лучь блеститъ.

Невѣжда золотымъ чертогомъ
Своей души не озлатитъ;
А васъ и въ шалашѣ убогомъ
Лучами слава озаритъ.

*

Потомство скажетъ: „здѣсь на лирѣ,
„На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ
„Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;

„Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
„Велъ жизнь любимецъ Музъ почтенной;
„Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ;
„Здѣсь будемъ утромъ наслаждаться,
„Здѣсь будемъ солнце провожать,
„Читать Поэта, восхищаться,
„И даръ его благословлять!“

*

Хотя не всѣ, не всѣ народы
Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душей;
Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
Не всѣ восходятъ въ Капитолій
Съ вѣнками на главѣ своей;
При гласѣ трубъ, народномъ плескѣ (*) —

(*) Какъ на примѣръ, Петрарка. Такая же честь готовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколько дней до назначеннаго торжества.

Отъ насъ, увы! далекъ сей храмъ;
Поемъ въ тѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

*

Но въ самомъ сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилоновъ шумомъ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,
Оттѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
О нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И стыли грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной томности вздохнетъ
Отъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды нѣтъ!

*

Пусть вѣтры прахъ Пѣвцевъ развѣютъ!

Насъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожалѣютъ:
„Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!
„Но мы любезныхъ не забудемъ,
„Читать, хвалить ихъ пѣсни будемъ;
„Ихъ имя сладостно для насъ!“
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ своихъ стихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить . . . въ сердцахъ!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Опытная Соломонова мудрость, или мысли выбранныя изъ Экклезіаста. 3
Волгъ. - - 21
Къ Милости. - 28
Могила. - - 32
Къ богинѣ здравія. - 36
Къ Прекрасной. - 38
Ринса, древняя Баллада. 40
Эпитафія. - 46
Молитва о дождѣ. 48
Веселой часъ. - 51
Военная пѣснь. - 53
Пѣснь мира. - 55
Осень. - - - 60
Пѣснь Божеству. - 63
Посланіе къ Д***. 65
Къ Д*. - 76
Къ соловгю. - 79

Стран.

Филлидѣ. - 81
На разлуку съ П * *. 85
Прости - 90
Надгробная надпись Боннету 93
Любезной въ день ея рожденія. - - 95
Странность любви, или безсонница. - 96
Весеннее чувство. - 101
Надежда. - 104
На смерть К. Г. А. Хосаискаго, Дек. 1, 1796. 108
Къ отечеству, изъ Аѳинскаго Ужина. - 112
Пѣснь Вакху, изъ Аѳин. Уж. 113
Пѣснь Сафина, изъ Аѳин. Уж. 115
Смерть Орфеева, изъ Аѳ. Уж. 119
Къ бѣдному Поэту. 121
Отставка. - 129
Посланіе къ А. А. П. 133
Отвѣтъ моему пріятелю, которой хотѣлъ, чтобы я написалъ похвальную оду Великой ЕКАТЕРИНѢ. 144

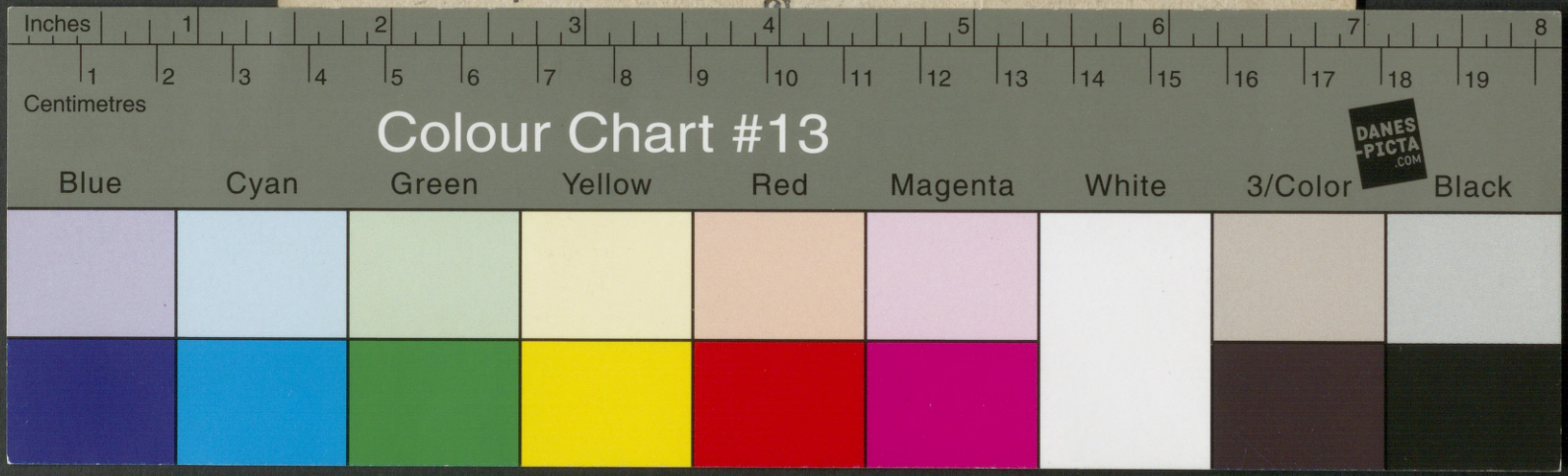
Стран.

Къ ней. - 146
Двѣ пѣсни. - 148
Соловей, галки и вороны. Басня. - 154
Прощаніе. - 156
Къ самому себѣ. 157
Пѣсня. - - 101
Время. - - 164
Къ Мелодору, въ отвѣтъ на его Пѣснь Любви. - 165
Хлоя. - - - 167
Лилея. - - 168
Гекторъ и Андромаха, переводъ изъ шестой книги Иліады. - - 170
Соловей. - - 183
Посланіе къ женщинамъ. 189
Графъ Гваринось, древняя Гишпанская историческая пѣсня. - 222
Послѣднія слова умирающаго. - - 231
Любовь и дружба. —
Печаль и радость. 232

Стран.

Страсти и безстрастіе. 232
Спорщикъ. - 233
Любовь ко врагамъ. 234
Къ невѣрной. - 235
Къ вѣрной. - 246
Долина Іосафатова, или долина спокойствія. 255
Эпитафія. - - 258
Стихи на день рожденія А. А. П — ой. 14 Октября. —
Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы. - - 259
Im-promptu Графинѣ Р * * *. 260
Тріолетъ Алетѣ, въ тотъ день, какъ ей исполнилось 14 лѣтъ. - 261
Тріолетъ Лизетѣ. - 262
Im-promptu, двумъ молодымъ дамамъ. - 263
Дѣлѣнны слова. - 264
Надпись къ дамской табакеркѣ. - —
Нескромное эхо. - 265

Стран.

Надпись къ портрету жестокой. - 255
Къ лѣсочку Полины. - —
Дарованія. - 266

Справ. портрету же- - 255
Полный - 266